

★ Владимир ПЕРШАНИН ★

КОМБАТ

по прозвищу «Снежный Лис»

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Владимир Першанин

**Комбат по прозвищу
«Снежный Лис»**

«Яуза»

2019

УДК 94
ББК 63.3(0)

Першанин В. Н.

Комбат по прозвищу «Снежный Лис» / В. Н. Першанин —
«Яуза», 2019 — (Война. Штрафбат. Они сражались за Родину)

ISBN 978-5-6040917-5-3

Контрнаступление войск Красной Армии, успешно начатое 19 ноября 1942 года, позволило в течение считанных дней взять в кольцо 300-тысячную армию фельдмаршала Паулюса, пытавшуюся с августа 1942 года захватить город на Волге. Но положение вокруг Сталинграда оставалось сложным. Враг был силен и продолжал упорно обороняться. В декабре немецкие войска предприняли попытку деблокировать окружённую армию Паулюса, и эта попытка едва не увенчалась успехом. В романе описан рейд по немецким тылам штурмового танкового батальона капитана Андрея Шестакова. За свои смелые и неожиданные удары комбат Шестаков получил от проивника прозвище «Снежный Лис». Его танки, усиленные десантниками, появлялись в самых неожиданных местах, сея среди фашистов смерть. Книга написана на основе реальных событий.

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-6040917-5-3

© Першанин В. Н., 2019
© Яуза, 2019

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Они сражались за Родину!

Владимир Першанин

Комбат по прозвищу «Снежный Лис»

Предисловие

В декабрьские дни 1942 года внимание всей страны было по-прежнему приковано к Сталинграду. Два с половиной осенних месяца наши войска упорно обороняли город, буквально вцепившись зубами в узкую полосу правого берега Волги. То в одном, то в другом месте немецкие штурмовые части прорывались вперёд, захватывая всё новые участки береговой полосы.

На огромной реке в ноябре начался ледостав. Дымилась в морозном воздухе тёмная густая вода, налитая шуршащей массой ледяной каши. Немцы наращивали удары, стремясь уничтожить раздробленные полки 62-й и 64-й армий генералов Чуйкова и Шумилова, сорвать снабжение войск людьми и боеприпасами через Волгу, и без того затруднённое погодой.

Министр пропаганды Третьего рейха Йозеф Геббельс, с проницательным взглядом мелкой, умной охотничьей собачонки, не рисковал делать новые заявления о захвате Сталинграда. Он уже обжёгся в сентябре сорок второго, объявив на весь мир о падении города, но упорные бои продолжались. Хотя по всем прогнозам русские были обречены.

И вдруг внезапный контрудар 19 ноября сорок второго года, сомкнувший за четыре дня огромное кольцо окружения вокруг шестой армии Паулюса.

Наступление продолжалось. Информбюро и советские газеты каждый день передавали сообщения о новых успехах Красной армии. Освобождались районные города и посёлки, волна наступления шла по Ростовской, Астраханской областям. Немецкие войска несли большие потери, а наши части всё дальше углублялись на запад, оставляя зажатую в кольце шестую армию, одну из наиболее сильных и подготовленных армий вермахта, а также приданные ей итальянские и румынские дивизии.

Самый мощный удар за всю войну! Некоторые советские генералы уверенно предсказывали дальнейшее развитие наступления и скорую победу над врагом. Однако не всё обстояло так благополучно. В Сталинграде и вокруг него шли ожесточённые бои. Кольцо окружения не было достаточно прочным. В некоторых местах сплошной фронт отсутствовал, оборону держали разрозненные подразделения, не хватало артиллерии, бронетехники, транспорта для переброски воинских частей на опасные участки.

Двенадцатого декабря немецкие войска предприняли попытку деблокировать окружённую армию Паулюса.

Группировка генерала Гота, насчитывающая 250 танков и штурмовых орудий, при поддержке авиации нанесла мощный удар с юго-запада и через десять дней оказалась в тридцати пяти километрах от полосы обороны 6-й армии. Однако за эти десять дней группировка понесла такие потери во встречных боях, что генерал Гот был вынужден прекратить дальнейшее наступление и встать в оборону.

Эти декабрьские дни могли повернуть ход сражения и пробить кольцо, отбросив наши войска. Советским командованием был принят ряд срочных мер, переброшены на слабые

участки пехотные части и артиллерия. Изыскивались резервы для нанесения контрударов, однако обстановка под Сталинградом оставалась сложной. На смену победным реляциям приходило трезвое осознание реального положения.

Враг был силен и сдаваться не собирался. Переломить положение могли только решительные и хорошо продуманные действия.

Глава 1

Батальон наносит удар

Несмотря на сложное положение, каждый немецкий солдат готовился в те дни отпраздновать Рождество. Как обычно, 25 декабря поздравляли друг друга, накрывали столы, наряжали ёлку, вспоминали родной дом и пели трогательную, знакомую с детства песенку «Тихая ночь, святая ночь...»

Война, начатая Германией в далёком тридцать девятом году, разбросала немцев от пустынь Северной Африки на юге до Кольского полуострова на севере. Войска вермахта продвинулись на две тысячи километров в глубину России и стояли у Волги.

Пушечный дивизион одного из полков группы армий «Дон» занимал позиции в заснеженной степи междуречья Волги и Дона. Трудно было придумать боле унылую картину, чем эта бесконечная ледяная равнина с редкими холмами, островками кустарника и одиноко торчавшими деревьями. Дул сильный морозный ветер, вечный спутник степного края, наметая в низинах огромные сугробы.

Командир дивизиона, опытный майор, выбрал для своих двенадцати 105-миллиметровых орудий удобную позицию на холме. Отсюда хорошо просматривалась окружающая местность, а орудия перекрывали огнём обширный участок в радиусе 40 километров.

В начале декабря, ещё до попытки генерала Гота прорвать кольцо окружения, русские пытались уничтожить дивизион, который мешал продвижению их войск. Но пехотному полку, усиленному несколькими танками, не хватало маневренности. Хотя тяжёлые орудия не отличались высокой скорострельностью, но их прицельность и мощность были высоки. А расчёты хорошо подготовлены.

Снаряды весом пятнадцать килограммов проламывали броню танков, осколочные и бризантные заряды выкашивали пехоту. Кроме того, дивизион был усилен автоматическими зенитками, а также пулемётным и сапёрным взводами. После нескольких безуспешных атак на закопчённом снегу остались сотни три неподвижных тел в длиннополых рыжих шинелях и сгоревшие танки.

Русские больше не пытались атаковать дивизион. Артиллеристы, хоть и понесли потери, но чувствовали себя уверенно. Майор приказал укрепить траншеи, вырыть запасные капониры и усилить посты.

– Русские сумели окружить Паулюса, – рассуждал майор, – но воевать не научились. Нельзя же так бездумно лезть на орудийный и пулемётный огонь. Вряд ли у них что-то получится с этим окружением.

Офицеры согласно кивали. Их раздражало упорство русских, из-за которого так надолго затянулась война. В успех русского наступления они не верили. Тем более, газеты и радио ежедневно сообщали о мужестве окружённых солдат Паулюса.

В ту рождественскую ночь возле орудий, как всегда, стояли часовые, мёрзли дежурные расчёты одной из пушек и спаренной зенитной установки, перетапывались пулемётчики. Обер-лейтенант, командир второй батареи, обходил позиции, прислушиваясь к ночным звукам.

Он воевал в России с осени сорок первого года и считался опытным офицером. То, что ему выпало дежурить в праздничную ночь, говорило о доверии начальства, и молодой офицер старался всячески его оправдать. Время перевалило за полночь, посты несли службу исправно, а из блиндажей доносились пение и смех. Время от времени выходили проветриться разгорячённые дружеским застольем солдаты и офицеры. Обер-лейтенанту приветливо махали

руками, поздравляли с Рождеством и сочувствовали, что приходится дежурить в такой весёлый праздник.

Начальник штаба дивизиона угостил коллегу сигаретой и тоже посочувствовал, что обер-лейтенант мёрзнет, а все веселятся.

– Завтра я доберу, что мне полагается, – потирая руки в тёплых перчатках, отозвался молодой офицер. – А сегодня кому-то надо вас охранять.

– От кого? – засмеялся один из лейтенантов. – Русские крепко завязли, пытаюсь заглотить слишком большой кусок.

Дежурный был с ним согласен, но легкомысленный разговор не поддержал. Вестовой, сопровождавший обер-лейтенанта, предложил принести горячего кофе и бутерброды. Это было очень кстати. Заодно, хотелось отдохнуть от пронизывающего ветра.

За компанию с ним остался начальник штаба и закурил очередную сигарету. Капитан был ровесником командира дивизиона, воевал ещё в ту войну, двадцать лет назад. Он считал, что праздник пора закруглять. Конечно, офицеры и солдаты дивизиона знают меру, вряд ли кто перехватит лишнего, но нервное напряжение последних месяцев ослабляет людей.

– В такие ночи русские особенно опасны, – рассуждал начальник штаба. – Они голодают, обозлены, и в Сталинграде наверняка наносят удары, как крысы из темноты.

– Но здесь их ближайшее охранение находится километрах в семи, – осторожно заметил обер-лейтенант, – а крупных частей поблизости нет.

– Может, и так, – согласился капитан. – Но хороший лыжник может бесшумно одолеть десяток километров за тридцать-сорок минут. Пожалуй, пора заканчивать веселье.

– А я ещё раз проверю все пулемётные расчёты, – козырнул обер-лейтенант.

Эта ночь тянулась особенно долго, но всё же подходила к концу. Обер-лейтенант, в подбитой мехом шинели и тёплых сапогах, в очередной раз осмотрел окрестности в бинокль. За эти недели он изучил здесь каждый холм, неглубокие овраги и подозрительного ничего не заметил. По направлению к Сталинграду прошёл на северо-восток воздушный наблюдатель «Фокке-Вульф 189». Русские проводили его несколькими зенитными залпами, но не попали. Всё шло, как обычно.

– Слава Богу, светает, – сказал вестовой. – Здесь такие мрачные ночи. Дикая земля...

Никто из дивизиона не заметил, как в километре отсюда, с невысокого кургана за ними наблюдают двое русских разведчиков в белых масках. Не дожидаясь, пока окончательно рассветёт, они спустились со склона, встали на лыжи и, убыстряя ход, помчались к балке.

Здесь стояли два десятка танков и два американских бронетранспортёра с крупнокалиберными пулемётами. Капитан, командир батальона, светловолосый, в овчинной куртке и валенках, выслушал доклад. Коротко посоветовался с командирами рот, уточнил задания. Офицеры нырнули в открытые люки «тридцатьчетвёрок», на броне заняли свои места десантники.

– Двигаем помалу, – дал команду танковый комбат, заняв своё место в головной машине.

Советские «тридцатьчетверки» обычно выдавали своё присутствие громким лязганьем гусениц. Но снег отчасти глушил звуки. Танки шли хоть и быстро, но на ровном газу, без лишнего шума. Они приблизились к позициям артиллерийского дивизиона с подветренной стороны, с юго-запада, что позволило выиграть несколько сотен метров.

Обер-лейтенант, старательно наблюдая за степью, не учёл, что русские могут ударить с тыла. Это было бы безрассудно. В двенадцати километрах за спиной находились позиции пехотного полка, противотанковая артиллерия, тяжёлые шестиствольные миномёты. Кроме того, на линии обороны стояли в капонирах ещё несколько замаскированных батарей дальноточных орудий. Русские могли нарваться на хороший удар и, тем не менее, рискнули.

Самое обидное, что опасность разглядел не дежурный офицер, которому вверили безопасность дальнобойного дивизиона, а ефрейтор-пулемётчик. Это неприятно задело обер-лейтенанта.

– Русские танки! – кричал ефрейтор, посылая светящиеся трассы из своего машингевера МГ-34.

Обер-лейтенант разглядел снежные вихри и силуэты стремительно приближавшихся танков. Они двигались почти бесшумно (звуки глушил сильный ветер), затем отчётливо послышалось лязганье гусениц.

– Тревога! Аларм! – выпустил красную ракету дежурный офицер.

Посты непростительно зевнули, подпустив вражеские танки слишком близко к тяжёлым орудиям. Это был русский штурмовой батальон, достаточно опытный в своём деле. Танки приближались волной, выныривая из низин, развивая скорость на гребнях, где ветер сдул снег.

Обер-лейтенант кинулся по траншее к блиндажу командира дивизиона, но майор в распахнутой шинели уже отдавал команды и крикнул дежурному:

– Бегом к своей батарее!

Из блиндажей выскакивали полуодетые артиллеристы и бежали к орудиям, разворачивая их навстречу танкам. Однако это занимало время. Дальнобойные пушки имели массу пять с половиной тонн – развернуть их в нужную сторону было не так просто.

Но солдаты и офицеры очень старались, не замечая обжигающей тяжести промёрзшего насквозь металла, – от этого зависела их жизнь. Заряжающие уже открыли ящики со снарядами, ожидая команды. Считанные минуты, и тяжёлые орудия откроют огонь.

Быстрее других заняли свои места расчёты 20-миллиметровых зенитных автоматов и противотанковое отделение с гранатомётами и магнитными минами. Господи, дай им Бог задержать врага, пока развернутся орудия дивизиона!

Первый выстрел сделал дежурный орудийный расчёт – снаряд не попал в цель. Пока артиллеристы перезаряжали пушку (десять секунд!), дружно ударили оба спаренных 20-миллиметровых автомата. Трассы мелких зенитных снарядов уткнулись в головные машины, высекая снопы искр и сбрасывая с брони десантников, которые не успели спрыгнуть. Несколько танков стреляли на ходу, но огонь был неточный.

– По гусеницам! – кричал командир зенитного взвода. – Бейте по гусеницам!

Расчёты снизили прицел. Одна из «тридцатьчетвёрок» крутнулась, расстилая перебитую гусеничную ленту. Танки в ответ открыли огонь с коротких остановок – видя, что, кроме зениток, в их сторону уже развернулись два-три тяжёлых орудия.

Фугасный снаряд взорвался под массивным колесом орудия, которое так и не успело выстрелить второй раз. Пушку перекосило, раскидав в стороны расчёт.

«Тридцатьчетвёрка» с перебитой гусеницей вела беглый огонь и накрыла ещё одно орудие. Но экипаж танка был контужен попаданиями зенитных снарядов, вытекала солярка из запасного бака. Гусеницу скреплять не было возможности из-за сильного пулемётного огня.

Обер-лейтенант, ощущая свою вину вместе с расчётом сумел развернуть орудие. Бронейнотрассирующий снаряд с расстояния ста пятидесяти метров проломил броню «тридцатьчетвёрки», скovyрнув башню на край опорной плиты.

Командир танка и башнёр погибли. Сумели выскочить механик-водитель и раненый стрелок-радист. Из развороченного отверстия вырвались языки пламени, затем начали детонировать снаряды, сотрясая обречённую машину.

Обер-лейтенант с удовлетворением проследил, как пламя охватывает «тридцатьчетвёрку». Два уцелевших орудия его батареи ловили в прицел приближавшийся русский танк. Угол горизонтального обстрела шестьдесят градусов позволил поймать в перекрестье прицела одну из «тридцатьчетвёрок». Опытный фельдфебель готовился дёрнуть спусковой шнур, но рядом с ним взметнулся фонтан мёрзлой земли и утоптанного снега.

Ком земли ударил обер-лейтенанта в грудь. Перехватило дыхание. Он пытался встать, глядя на танк, его отполированные гусеницы, подминавшие снег и неумолимо приближавшиеся к повреждённому орудию. Обер-лейтенант не раз видел, что остаётся от людей, угодивших под гусеницы, – месиво разорванной плоти и одежды. Неужели это конец! Почему молчит оставшееся орудие его батареи?

Тем временем остальные «тридцатьчетвёрки» и лёгкие Т-70 вместе с десантниками захлестнули артиллерийские позиции – шёл ожесточённый ближний бой. Совсем не тот, которого ожидал командир тяжёлого дивизиона, рассчитанного на уничтожение врага за несколько километров.

Пятитонные орудия не успевали ловить в прицел стремительно приближавшиеся танки. Выстрелы трёхдюймовых башенных пушек обрушивали капониры, кромсали механизмы и уничтожали расчёты. Пулемётный огонь не давал уцелевшим артиллеристам прицелиться.

Начальник штаба дивизиона наводил ствол, спеша опередить «тридцатьчетвёрку». Он знал, что гибель дивизиона его командирам не простят, и рассчитывал хоть с запозданием остановить русские танки.

Осколочно-фугасный снаряд взорвался между массивных станин. Почти весь расчёт был убит или тяжело ранен. Начальник штаба, громивший Севастополь и топивший корабли с беженцами, растерянно смотрел на обрубок руки с оторванной кистью, только что сжимавшей штурвал наводки.

На краю капонира в оседающей снежной и глинистой пыли возникла фигура русского десантника в маскхалате. Громоздкий автомат с дырчатым кожухом окутался клубком пламени. Русский безжалостно добивал расчёт. Кажется, он что-то выкрикивал, а рот кривила злобная гримаса безжалостного тупого азиата.

Тела артиллеристов дёргались от попаданий пуль, заряжающий кричал, заслоняясь вытянутыми ладонями. Неужели этот варвар будет стрелять в пожилого раненого офицера? Не эсэсовца или карателя, а всего лишь честного солдата-артиллериста, которому нужна срочная медицинская помощь.

– Не делай этого! – в отчаянии воскликнул капитан.

Война безжалостна. Сержант-десантник потерял брата и отца и не собирался щадить врагов. А начальник штаба три недели назад, не слишком задумываясь, приказал расстрелять два десятка пленных русских солдат, с которыми некогда было возиться.

– Мы прикончим их штыками, – сказал тогда фельдфебель. – Патронов не так и много.

– Поступайте как хотите, – отмахнулся занятый другими делами капитан.

Артиллеристы орудовали штыками не слишком умело. Запомнилось, как кричали от боли обречённые русские пленные и просили пощадить их. Это были совсем молодые парни, которым фельдфебель приказал снять шинели и валенки. Они остались лежать на обледеневшем от крови снегу. Некоторые продолжали шевелиться и стонать, а босые ноги из последних сил скребли бурый лёд.

Один из пленных, рослый сержант, воевавший с сорок первого года, сумел спастись. Сбросив шинель и валенки, он побежал налегке, не дожидаясь, когда начнётся расправа. По нему с запозданием открыли стрельбу но смелым везёт. Сержант, получив несколько лёгких ранений, бежал, не останавливаясь, и сумел добраться до своих.

Об этой расправе узнали не только в его полку, но и в штурмовом танковом батальоне, посланном в рейд по немецким тылам. После этого пощады ждать было бесполезно.

Бой продолжался. Орудие первой батареи в упор всадило снаряд в приоткрытый люк «тридцатьчетвёрки». Танк загорелся и спустя несколько минут взорвался вместе с экипажем. Унтер-офицер подбил из чешского противотанкового ружья лёгкий танк Т-70, однако общая обстановка складывалась не в пользу немецких артиллеристов.

Тяжёлые орудия расстреливались из танковых пушек, их забрасывали гранатами десантники. Расчёты вели ответный огонь из карабинов, упорно обороняясь, но гибли в схватках с десантниками или попадали под гусеницы русских танков.

Майор, командир дивизиона, видел, как «тридцатьчетвёрки» раздавили обе 20-миллиметровые зенитные установки и расстреляли фугасными снарядами тяжёлую батарею на левом фланге. Немногие уцелевшие артиллеристы убежали, но их догоняли пулемётные очереди.

Взорвался склад боеприпасов. На десятки метров взвился столб огня, дыма, мёрзлой земли.

Взлетали обломки бревенчатого перекрытия, смятые массивные гильзы с горящими пороховыми зарядами.

Мощный толчок обвалил траншею, по которой отступали офицеры из штаба дивизиона. Всё вокруг покрылось завесой дыма и едкой пороховой гарью. Молодой адъютант надсадно кашлял, привалившись спиной к обрушенной стенке траншеи.

Русский танк промчался рядом, его экипаж не заметил офицеров. Зато приближались десантники, открыв на бегу огонь из автоматов.

– Это офицеры! – крикнул кто-то из них. – Брать живьём!

– Подавишься, – хрипло огрызнулся майор, пристраивая на бруствере длинноствольный «люгер».

Он стрелял метко и свалил первым же выстрелом бегущего впереди десантника. Глядя на своего командира, поспешно передёргивали затворы пистолетов остальные офицеры. Автоматчики из охраны штаба понимали, что живыми из танкового кольца им не выбраться. Выполняя свой долг, они лихорадочно опустошали магазины МП-40. Упали, пробитые пулями, ещё двое десантников, но это уже ничего не решало.

Обозлённые смертью товарищей, бойцы в маскхалатах не обращали внимания на торопливые очереди и пистолетные хлопки. Приблизившись к траншее, они били в упор из своих скорострельных ППШ (шестнадцать пуль в секунду) и брать в плен никого не собирались. Спрыгнув вниз, десантники снимали с убитых часы, подбирали пистолеты, гранаты, обшаривали карманы.

– Документы собирайте у офицера, – крикнул сержант. – И поменьше из ихних фляжек хлебайте. Бой не закончился.

– Гля, главный боров ещё жив, – удивился конопатый боец, показывая на грузного майора в излохмаченной пробоинами шинели.

– Подохнет... в него полдесятка пуль угодило, – отозвался другой десантник. – А вот сапоги снять надо. Мехом подбиты.

Из бокового ответвления траншеи выскочили трое артиллеристов. Лица были покрыты копотью, бежали они пошатываясь, видимо, были контужены. Унтер-офицер вскинул карабин, на бегу выстрелил в конопатого бойца и быстро передёрнул затвор, досылая новый патрон в ствол.

Всё произошло неожиданно. Двое десантников стаскивали тёплые сапоги с немецкого майора, кто-то подбирал гранаты, а конопатый боец судорожно зевал, пытаясь вдохнуть воздух в разорванные пулей в упор лёгкие. Опытный унтер владел карабином К-98 не хуже, чем штурвалом наводки своего дальнобойного орудия. Он наверняка бы успел сделать ещё два-три точных выстрела, тем более, появление немецких солдат из узкого отсечного хода было неожиданным.

Но успел среагировать сержант Дарькин Василий, помощник командира взвода, воевавший более года. По возрасту старше своих подчинённых, он был настороже. И хотя упустил секунды, но сделать унтер-офицеру второй выстрел не дал.

За время короткой передышки Дарькин успел перезарядить диск и патронов не жалел. Очередь перебила цевьё карабина, кисть руки, сжимавшую оружие, и прошила в нескольких

местах тело унтера. Бежавший следом солдат в распахнутой шинели тоже угодил под трассу «маузеровских» пуль автомата ППШ, пробивающих насквозь пятидюймовый сосновый брусок.

Третий артиллерист, развернувшись, попытался скрыться в узком отсечном проходе. Очередь ППШ догнала его и опрокинула лицом вниз. Десантники, запоздало схватившие свои автоматы, молча смотрели на убитых немецких артиллеристов. Умирал конопатый боец, рана оказалась смертельной.

– Вот так рот разевать, – хрипло проговорил Василий Дарькин. – Всем проверить оружие, двигаем дальше.

К этому времени почти все орудия дивизиона были уничтожены огнём «тридцатьчетвёрок». Из низины пытались вырваться полугусеничные тягачи «фамо» с брезентовой крышей. Тяжёлые машины выныривали одна за другой. На ходу в них прыгали артиллеристы и солдаты-ремонтники.

Командир танкового батальона капитан Андрей Шестаков приказал развернуть свою «тридцатьчетвёрку» и вместе с первой ротой выскочил наперерез тягачам.

– Огонь! Не дать никому уйти!

Восемнадцатитонные тягачи, способные буксировать по глубокому снегу тяжёлые орудия, являлись ценной техникой, уничтожить которую было не менее важно, чем вооружение дивизиона. Несмотря на свои внушительные размеры, «фамо» не были бронированы.

Фугасный снаряд взорвался с недолётом. Головной тягач увеличил скорость, но командир взвода Савелий Голиков догнал окутанную снежной пылью машину, вложив снаряд в корму. Шесть килограммов тротила в стальной оболочке вышибли два колеса вместе с обрывками гусеницы, перекосили кузов.

Двигатель продолжал упрямо тянуть массивный тягач, но через несколько метров машина остановилась. Из кабины и кузова выскакивали артиллеристы, ожидая в любую секунду следующего снаряда. Но танки вели огонь по другим тягачам, обходящим с двух сторон подбитую машину. В низине намело ветром глубокие сугробы, единственная дорога была перекрыта. Громоздкие тягачи, спеша выбраться наверх, вязли в снегу и невольно замедляли ход.

Орудия «тридцатьчетвёрок» расстреливали и поджигали машины одну за другой. Густой дым горящей солянки, окутав склоны, дал возможность нескольким тягачам выскочить из ловушки. Прикрывая их, отчётливо и звонко вела беглый огонь «собака» – 37-миллиметровая автоматическая пушка.

Расчёт во главе с молодым немецким офицером знал, что долго не продержаться – через считанные минуты их сомнут русские танки. Артиллеристы тоскливо оглядывались по сторонам. Не будь с ними офицера, фельдфебель приказал бы взорвать пушку и попытаться спастись. Но молодой офицер, видимо, решил принести себя и расчёт в жертву будущей победе вермахта. Но будет ли когда-нибудь эта давно обещанная победа?

Лёгкий танк Т-70 точным выстрелом угодил в двигатель «фамо». Из брезентового кузова выскочили несколько солдат ремонтной бригады. Пулемётные очереди настигали их одного за другим.

– Надо помочь камрадам, – крикнул офицер. – Прикончите этого русского недомерка.

– Кто бы нам помог, – пробормотал один из артиллеристов.

Но даже в такой безнадёжной ситуации послушаться офицера никто бы не посмел. Этот выкорымыш гитлерюгенда был моложе любого из своих солдат, но артиллеристы знали, что он без колебания расстреляет каждого, кто не выполнит приказ.

Расчёт «собаки» развернул тонкий ствол своей пушки, а заряжающий загнал в лоток обойму с бронебойными снарядами. Они вылетали со скоростью 800 метров в секунду. Ско-

шенная броня лёгкого танка выдержала несколько попаданий, хотя десятитонную машину ощутимо встряхивало, а в разные стороны веером разлетались искры.

– Стреляй, командир, – нервничал механик-водитель Т-70, пытаясь увернуться от очередного удара, но младший лейтенант, командир машины, не мог развернуть заклинившую башню.

– Дави сволочей! – воскликнул он. – Башня не проворачивается.

В танк летели усиленные снаряды с вольфрамовой головкой из новой обоймы. Два из них пробиты башню и тело младшего лейтенанта. На механика-водителя капала кровь. Сержант слышал, как ворочается и хрипит его командир.

– Игорь! – позвал он лейтенанта, продолжая давить на газ. – Ты живой?

Снаряд врезался в массивный выпуклый люк, из рук механика выбило рычаги. Двадцатилетний сержант не ощущал рук. Ему показалось, что они оторваны, комбинезон был окровавлен, а танк завалился в воронку.

Наверное, расчёт «собаки» добил бы лёгкий Т-70 и его механика, который не в силах был управлять машиной и обречённо ждал, когда очередной снаряд оборвёт его жизнь. Люк заклинило, руки не слушались. Сержант из последних сил толкнул плечом люк, который слегка поддался. Надо быстрее выбираться!

Сотрясая землю, мимо пронеслась «тридцатьчетвёрка» взводного Савелия Голикова и на скорости подмяла под себя зенитку, перемалывая гусеницами и всей своей массой платформу, ствол и тела расчёта.

Немецкий офицер метнулся в сторону, но сильный удар опрокинул его в снег. Кажется, он потерял сознание, а когда снова открыл глаза, русский танк был уже далеко. Рядом, среди обломков зенитки, ворочался и стонал кто-то ещё. Надо уходить, пока не поздно.

Офицер сделал движение, чтобы подняться, но тело пронзила острая боль. Сапоги были сплющены, разорваны, а под ними расплывалась пятно парящей на морозе крови. Ноги! Эти звери раздробили кости обеих ног. Офицер достал из кобуры пистолет, но боль сковала тело.

– Хильфе! Помогите!

Из обломков кое-как выбрался заряжающий. Прижимая к груди раненую руку, подошёл к офицеру.

– Господин лейтенант, у вас раздавлены ноги. Я не смогу вам помочь, – медленно проговорил солдат. – Простите меня...

И шатаясь побрёл прочь.

На него не обращали внимания. Русские танки расстреливали из орудий пытавшиеся уйти тягачи. Разбросанные по степи, они горели чадным пламенем вытекавшей из баков солярки. Коротко вспыхивал просушенный морозом брезент, огонь выбивался из-под капотов двигателей, перекидывался на массивные резиновые колёса.

По снегу убегали уцелевшие водители тягачей, ремонтники. Их догоняли пулемётные очереди, но несколько человек, скатившись в овраг, сумели спастись.

Офицер-артиллерист с трудом взвёл затвор вальтера. Оставался единственный выход – пустить себе пулю в висок, пока не появились эти дикие азиаты и не вспороли ему живот. Но проходили минуты, холод всё сильнее сковывал тело, а офицер убеждал себя, что слухи о зверствах русских придуманы идиотами или эсэсовцами. Надо звать на помощь, стрелять вверх, чтобы его услышали. Однако пальцы уже не повиновались, сознание мутилось, и всё закрывала морозная пелена.

На мёртвое тело наткнулся спустя четверть часа боец-десантник. Забрал пистолет, отстегнул часы и с сожалением осмотрел добротные сапоги, разорванные гусеницами танка. Впрочем, впереди ещё долгая зима, а валенки греют лучше.

К «тридцатьчетвёркам» комбата Андрея Михайловича Шестакова привели человек семь-восемь пленных, в том числе обер-лейтенанта, командира батареи. Их допрашивал Пётр Бельченко, возглавлявший взвод разведки.

Главный вопрос, который интересовал Шестакова, – есть ли поблизости крупные немецкие части. Обер-лейтенант, контуженный мёрзлым комом земли, кашлял и говорил с трудом. Назвал своё имя, должность, на остальные вопросы отвечать отказался.

– Надо ли играть в героя? – усмехнулся капитан Шестаков. – Ты всего лишь неудавшийся завоеватель, не более того. Церемониться с тобой не будем.

Когда Бельченко перевёл слова комбата, обер-лейтенант вытянулся по стойке «смирно» и, пытаясь держаться с достоинством, заявил:

– Я давал присягу и могу сообщить только своё имя. Какие-либо сведения военного характера передавать не имею права – это будет считаться предательством.

На эту фразу ушли все его силы. Увесистый ком мёрзлой земли крепко повредил грудь, возможно, сломал рёбра. Кашель согнул его, лицо побагровело, шинель была порвана.

Двадцатисемилетний комбат Шестаков смотрел на него, ожидая, когда пройдёт приступ кашля. Обер-лейтенант был единственным пленным офицером, и только он мог дать какие-то нужные сведения. Капитану уже доложили о потерях: погибли и получили тяжёлые ранения более тридцати танкистов и десантников, сгорели два танка и три были повреждены. Жалости или сочувствия к немецкому офицеру Андрей не испытывал.

Обер-лейтенант вытер губы платком и снова выпрямился.

– Вы можете показать на карте, где расположены ближайшие крупные части и остальные дивизионы вашего полка?

Бельченко перевёл вопрос комбата, а затем ответ обер-лейтенанта.

– К сожалению, не смогу

– К сожалению! – сплюнул капитан. – Вежливый до задницы. Ладно, отведите его в сторонку и шлёпните. Времени на пустую болтовню у меня нет.

Эту фразу обер-лейтенант понял и горячо запротестовал, мешая русские слова с немецкими.

– Вы цивилизованный человек и не можете так со мной поступить. Кроме того, я ранен и имею право на медицинскую помощь.

– Во, сукин сын, как заговорил, – удивился командир первой танковой роты Григорий Калугин. – А кто тебе давал право наши города из своих пушек в развалины превращать? А кто пленных штыками добивал?

– Заканчивайте с ним, – перебил Калугина капитан Шестаков.

Обер-лейтенант не просил пощады, но страх что-то переломил в нём. Подталкиваемый в спину стволом автомата, он упирался и растерянно повторял:

– Так нельзя... я ранен, и мне обязаны...

Сержант-десантник пнул его валенком.

– Шагай и захлопни рот!

Когда раздалась одна и другая короткие очереди, остальные пленные сбились в кучу с нескрываемым страхом глядя на русского комбата.

Унтер-офицер в возрасте лет за сорок, понимая, что его ждёт такая же судьба, показал на карте, где расположен штаб их тяжёлого артиллерийского полка и один из дивизионов. Он неплохо говорил по-русски и сообщил, что провёл в плену под Брестом полтора года и вернулся домой после революции.

– Мало показалось? Снова в Россию потянуло?

– Я простой солдат. Кто меня спрашивал? – пожал плечами унтер. – Нас расстреляют?

– Если найдём транспорт, то вывезем в тыл вместе с ранеными. А если не хватит места, не обессудь. Сами в эту кашу влезли, самим и расхлёбывать.

– Мы поместимся в уголке кузова, – с усилием выдавливая улыбку, проговорил унтер-офицер. – Мои товарищи простые люди, у всех семьи. Пожалейте хотя бы их.

– Кстати, как настроение у ваших солдат? – оглядел напряжённо сжавшуюся кучку пленных комбат Шестаков. – Всё ещё надеетесь завоевать Россию?

– Я очень надеюсь, что нас шестерых не расстреляют, – не без юмора отозвался унтер-офицер.

– Но в Сталинграде ваша окружённая армия сражается упорно, хотя уже месяц находится в окружении.

– А что им остаётся делать? Если поднимешь руки, тебя повесят, как предателя.

– Не плети дурь, – оборвал его Шестаков. – Ума вам ещё как следует не вставили. Рассчитываете, что окружение прорвут, а ваш фюрер умнее всех на свете?

– Каждый во что-то верит, господин капитан. Возможно, и наши офицеры поумнеют, но пока они на берегу Волги, большинство относится к вашему наступлению скептически.

– Надо что-то решать с ранеными, – подошёл к комбату фельдшер Яценко. – Мы привели в порядок трофейный грузовик «Магирус», человек двадцать там поместятся. Есть ещё вездеход «БМВ», хоть издырявлен, но тоже на ходу. С десяток легко раненых туда втиснем.

– Пленных сумеем разместить? – внимательно оглядел младшего лейтенанта Шестаков.

– Тесновато будет, да ещё фокус какой-нибудь по дороге выкинут. Чего их в тыл тащить? Пострелять к чёртовой бабушке, и все дела.

Фельдшер Анатолий Игнатьевич Яценко, как всегда, успел хватить спирта или трофейного рома. Его слегка покачивало, полушубок был расстёгнут, на ремне висел наган в кирзовой кобуре, через плечо – санитарная сумка.

– Бери их и стреляй, – с неожиданной злостью проговорил комбат. – У тебя наган в кобуре, как раз одного барабана на шестерых хватит. Нахлебался трофейного пойла и повоевать решил?

– Да это я так, пошутил, – козырнул фельдшер, которого в батальоне все называли Игнатьич. – А сто граммов для сугреву принял, пока раненых обрабатывал. Ветер дюже холодный.

Трезвым Игнатьича видели не часто, но дело своё бывший заведующий сельской амбулаторией знал. Раненые были грамотно перевязаны, на перебитые конечности наложены шины. Впрочем, ему хорошо помогала хирургическая сестра Кира Замятина, переведенная в танковый батальон из бригадной санчасти.

На лоб Игнатьича сползала слишком великоватая для него офицерская шапка, уши были обморожены, а под глазами набрякли мешки. Он шмыгнул носом и спросил, кто кроме него будет сопровождать раненых.

– Водители будут сопровождать и легко раненые. Справятся они, Кира?

– Так точно, – козырнула сержант медицинской службы Замятина. – Правда, там двое ребят сильно обожжённые, но мы им ничем больше помочь не сможем. Я морфин вколола, их в госпиталь срочно доставить надо.

– Езжайте, – махнул водителям Шестаков.

Две трофейные машины вышли на равнину. Сопровождающие, выставив стволы автоматов, настороженно смотрели по сторонам. Здесь, между внутренним и внешним кольцом окружённой армии Паулюса, хватало недобитых немецких групп, пытавшихся прорваться к своим.

По рации сообщили в штаб бригады о результатах боя. Начальство никак не оценило довольно успешные действия танкового батальона. Шестакову предписывалось встать в жёсткую оборону и дожидаться прибытия стрелкового полка, который займёт отбитые позиции. Указания о дальнейших действиях последуют позже.

– Хоть бы доброе слово сказали, – недовольно пробурчал разведчик Бельченко. – Целый пехотный полк с артиллерией и танковой ротой пытались этот прыщ скovyрнуть, ни хрена не получилось. А мы за час все их пушки расколотили и больше сотни фрицев прикончили.

– Тягачи да ещё всю остальную технику посчитай, – усмехнулся Андрей Шестаков. – Каждый по медали на задницу заработал. Чем хвалиться? Пять танков из строя вышли, убитых и раненых более пятидесяти человек. Фрицы авиацию пустят, следом артиллерию подтянут, а у нас снарядов с гулькин нос. Рано хвалиться.

– После того, как группировка Гота едва кольцо вокруг Сталинграда не прорвала, не жди ни наград, ни благодарности, – рассудительно заметил Григорий Калугин, самый старший по возрасту командир в танковом батальоне. – Она и сейчас наготове, хоть и потрёпанная.

– Передай ответ, – коротко продиктовал радисту капитан Шестаков. – К обороне готовы, укрепляем позиции. Ждём подкрепления, боеприпасов и горючее.

Сержант козырнул и пошёл передавать ответную шифровку начальству. Комбат Шестаков, отдав необходимые распоряжения, вместе со своим заместителем, командиром первой роты Григорием Калугиным, обходил позиции, которые им предстояло удерживать до подхода стрелкового полка.

Начальство сообщило, что полк уже выдвинулся и скоро будет на месте, в чём Андрей Михайлович Шестаков очень сомневался. Снежные заносы, вечная нехватка транспорта, артиллерию тянут лошади, да ещё большая вероятность нарваться на воздушный налёт люфтваффе.

Если командир полка с головой, то вряд ли он рискнёт выдвинуть в ясный солнечный день на открытую равнину две тысячи человек со всем своим полковым хозяйством. Немцы не считают битву за Сталинград проигранной, дерутся отчаянно, усилили авиацию. У нас же самолётов, как всегда, не хватает. Маловероятно, что какой-то безвестный пехотный полк будут прикрывать с воздуха.

Генералы мыслят куда глобальнее – в масштабах армий, корпусов – и вместе с полками к линии фронта не спешат. Не задумываются, что десяток «Юнкерсов-87» (полторы тонны авиабомб и четыре пулемёта на каждом) и звено мессершмиттов разметут пеший полк с налёта. Дай Бог, если половина людей уцелеет, но это уже не бойцы после такой мясорубки!

Поэтому мнения комбата Шестакова и его заместителя сошлись – до ночи подмоги не дожидаться. Григорий Калугин по званию тоже капитан, только старше Шестакова и хватанувший бои с японцами ещё в двадцатых годах.

– Чую, что торчать нам здесь не меньше суток, – прикуривая папиросу, рассуждал Калугин. – Полк под самолёты не бросят. Тем более, после месяца наступательных боёв. Вышлют малым ходом две-три неполные роты да батарею «сорокапятков». Чего им спешить, когда танковый батальон оборону занял?

Высоко в небе кружила «рама», и хотя экипажи торопились как можно быстрее замаскировать машины, немцы уже наверняка подсчитали силы русских и скоро ударят. Не захотят терять такую выгодную позицию.

Несколько бойцов из десантной роты расширили капонир и укладывали туда погибших. Шестаков поморщился. Сейчас важнее было укреплять обрушенные траншеи и готовиться к возможной атаке, однако промолчал. Пока есть возможность, надо похоронить ребят. Если начнётся бой, будет уже не до того.

Оба капитана обходили по периметру бывший участок дальнебойного немецкого дивизиона. В капонире виднелись слегка припорошенные снегом обломки орудий, лежали тела убитых артиллеристов.

– Повезло нам, что фрицы зевнули, – сказал Шестаков. – Рождество праздновали, а затем отсыпались. Но дрались отчаянно.

– Воевать они умеют, – согласился Калугин. – А насчёт повезло, это как сказать. Два танка сгорели, три машины ремонтируют, да и потери личного состава более пятидесяти человек. Это в одном бою. С кем дальше наступать будем?

В просторном окопе командир десантной роты Павел Мельник вместе со своими бойцами устанавливал трофейный 80-миллиметровый миномёт.

– Как обстановка, Павел?

– Ждём атаки. Вот миномёт настраиваем. У фрицев их три штуки было, уцелел один. Хорошая штука, мины собираем. Пальнуть бы пару раз для пристрелки. Разрешите, товарищ комбат?

Паша Мельник, высокий, темноволосый, родом из этих мест, в бушлате и шапке-кубанке, вопросительно смотрел на Шестакова. Было ему года двадцать два: розовые от мороза щёки, слегка припухлые юношеские губы и туго затянутая португепя с кобурой. Воевал он смело и в своей роте пользовался авторитетом.

– Ну, пальни. Глянем, как немецкий «самовар» работает.

Мины, весом три с половиной килограмма, подняли фонтаны снега метрах в пятистах от траншеи.

– Специалисты в роте есть?

– Так точно. У меня ребята на все руки.

Подбежал старшина Черняк и доложил, что прибыли два студебеккера.

– Снаряды и патроны к пулемётам подвезли. Выгружаем, шофера торопят, боятся под бомбёжку попасть.

– Раздавай боеприпасы по экипажам. Сколько там снарядов на каждый экипаж достанется?

– Штук по пятнадцать.

– Они что, смеются над нами? Я запрашивал минимум по три десятка.

– Не получилось, – развел руками Тимофей Черняк. – Один «студер» на mine подорвался. Машина вдребезги, водителя и лейтенанта-экспедитора на куски разнесло.

Закончить обход Шестаков и Калугин не успели. Начался авианалёт. Тройка пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс-87» с пронзительным воем сирен сбрасывали тяжёлые «стокилограммовки» и мелкие бронебойные бомбы.

Если «сотки» лишь снова завалили часть траншей, то одна из мелких кумулятивных бомб ударила точно в «тридцатьчетвёрку» из второй роты.

Пробила лобовую броню и раскалённой струёй подожгла машину Экипаж, прятавшийся под днищем, успел выскочить и на бегу видел, как огонь охватывает Т-34, а затем начали взрываться снаряды, опрокинув башню на утопанный снег.

Не повезло студебеккерам. Возможно, они бы уцелели, если бы остались на позициях разгромленного немецкого дивизиона, укрывшись в капонири, где стояли раньше артиллерийские тягачи. Но за десяток минут перед налётом студебеккеры поторопились в обратный путь.

Их перехватили два мессершмитта, сопровождавшие звено юнкерсов. Истребители снизились до трёхсот метров и расстреляли, как в тире, оба мощных дефицитных в то время грузовика. Уцелел лишь один из водителей, зарывшийся в снег.

Когда самолёты улетели на свой аэродром, сержант, подволакивая ушибленную ногу, кое-как добрался до батальона, где его от души отmaterил старшина Тимофей Черняк.

– Куда ты торопишься? Или думал, что твой «студер» быстрее, чем мессершмитт, летает? Чувырло безмозглое!

Комбата Шестакова больше беспокоила потеря ещё одной «тридцатьчетвёрки». Кроме того, он опасался, что откроет артиллерийский огонь дальнобойный дивизион, расположенный в двенадцати километрах. Точности от такой стрельбы не будет, но если немцы высадут на вездеходе корректировщиков, то танковому батальону и десантникам придётся туго.

Но с корректировщиками у немцев не получилось. Посланный в разведку лёгкий танк Т-70 под командой младшего лейтенанта Антона Зуйкова перехватил вездеход «Штёвер» и расстрелял его из башенной 45-миллиметровки.

В качестве трофеев Зуйков привёз разбитый артиллерийский перископ, обгоревшие карты, документы двух офицеров и уцелевшее оружие группы артиллерийской разведки.

До этого младший лейтенант ничем особым в батальоне не выделялся. Осмотрев трофеи и карту, капитан Шестаков от души обнял младшего лейтенанта.

– Если бы не перехватили корректировщиков, сидели бы сейчас под огнём. Навели бы на нас такой же дивизион и снарядов не пожалели.

– Андрей Михайлович, – обратился к комбату Калугин. – Людям отдохнуть надо. Сутки уже на ногах. Периметр худо-бедно укрепили, боевое охранение я выдвинул, посты расставлены. Пойдём поужинаем.

Шестаков, Калугин, командир десантной роты Павел Мельник и начальник разведки Пётр Бельченко разместились в блиндаже, где раньше обитал командир немецкого артиллерийского дивизиона. Здесь же суетился один из бойцов, растапливая печку и накрывая на стол.

Командир второй танковой роты Родион Соломин, как младший по возрасту, вёл со своими танкистами боевое наблюдение.

Блиндаж из толстых брёвен в три наката, усиленный железными балками, был добротный и просторный. В глубине помещения стояла деревянная кровать, накрытая несколькими ватными одеялами.

Пол, как в избе, был из плотно пригнанных друг к другу массивных крашеных половиц. Блиндаж освещался электролампочкой, но генератор в ходе боя был разбит и сгорел – на столе коптила обычная керосиновая лампа.

– Умеют фрицы уют создать, – оглядывая тёплое укрытие, сказал лейтенант Пётр Бельченко. – Здесь сосен в округе на двадцать вёрст не отыщешь, а для майора целый подземный дом построили. А командовал всего-навсего паршивым дивизионом, даже не полком.

– Этот дальнобойный дивизион целого полка стоил, – закурил трофейную сигарету Григорий Калугин. – Двенадцать тяжёлых орудий, зенитки, миномёты, и транспорта хватало. На блиндажи они деревенские избы разбирали.

В дверях, ведущих в прихожую, появился сержант-радист.

– Разрешите обратиться, товарищ комбат!

– Что у тебя там?

– Из штаба интересуются, прибыл ли стрелковый полк?

– Передай ответ, что ждём прибытия. К отражению возможной атаки готовы. Хорошо, если подкинут ещё боеприпасов и горючего. Оба студебеккера угодили под бомбёжку и сгорели на обратном пути.

– Ясно. Сейчас передам, – козырнул радист.

Затем появился старшина Тимофей Черняк и сообщил, что давно готов горячий ужин.

– Откуда он взялся? – удивился Калугин.

– Так мы же у фрицев две полевые кухни отбили, – шмыгнув носом старшина.

– Горох, небось, со свиной?

– В одном котле рис с мясом, во втором – кофе с молоком. Вполне съедобно, я попробовал.

Вместе со старшиной по блиндажу расплывался запах алкоголя.

– Ты глянь, Гриша, – обратился комбат к своему заместителю Калугину. – Перед боем всех предупреждал, чтобы офицеров живьём брали и захватывали транспорт. Хрена с два кто послушался! Информации толком не имеем, что вокруг творится, и грузовики почти все

пожгли. Зато полевые кухни в целости и сохранности взяли. Да лучше бы хоть одну зенитку захватили или хороший грузовик.

– Кухни не все нам достались, – с сожалением ответил старшина. – Одну снарядом разбило.

– Вот ведь горе! – засмеялся Калугин. – Зато две других остались. Горячим неплохо людей подкормить, да и граммов по сто с прицепом опрокинуть. Я гляжу Тимофей уже приложился. Никак вместе с Игнатьичем хлебнули?

– Я чуток трофейного рома попробовал, прежде чем вас угостить.

– Боишься, что отравимся? Так десантники навеселе разгуливают, не боятся отравы. Это я тебе, Павел, говорю. Крепкая у нас оборона. Танкисты машинами занимаются, а десантники периметр навеселе охраняют.

– Всё в меру, – отозвался старший лейтенант Павел Мельник. – Я проверял, посты на месте. Ребятам больше всех досталось. Двенадцать человек погибли, и раненых полтора десятка в тыл отправили.

– Ладно, поужинаем, и пойдёшь в траншеи десантников сторожить, чтобы не заснули. Тимофей, пригласи Киру Замятину, пусть с нами горяченького перекусит.

Комбат весело оглядел своих командиров и старшину, усмехнувшись, добавил:

– Рожи и руки снегом помойте и материтесь поменьше. Единственная девушка в батальоне, да ещё красивая.

При этих словах заёрзал и, поднявшись, двинулся мыть руки Павел Мельник, который часто крутился возле медсестры, набиваясь на более тесное знакомство. Кажется, безуспешно. Медсестра себе цену знала и не торопилась отвечать на ухаживания.

Глава 2

Сожгите их всех!

С ужином ничего не получилось. Немецкое командование не могло примириться с тем, что русские уничтожили дальнобойный артиллерийский дивизион и оседлали своими танками целый участок оборонительной полосы. Это не только укрепляло кольцо окружения вокруг Сталинграда, но и наверняка привело бы к расширению важного для русских плацдарма.

Откуда взялся этот танковый батальон, как хищник, вынырнувший из ночной заснеженной равнины и внезапно обрушившийся на хорошо укреплённую высоту? Это была уже новая тактика, не похожая на прежнюю.

В начале декабря, прежде чем атаковать высоту, русский пехотный полк, усиленный артиллерией и танками, несколько дней топтался в отдалении. Командиры долго наблюдали в бинокли за укреплениями, провели одну-другую разведывательную вылазку, пытались взять «языка».

Медлительность или ожидание команды от вышестоящего начальства привели к тому, что полк угодил под бомбёжку. А когда повёл торопливое наступление, дивизион обрушил по заранее вычисленным координатам прицельный огонь всех своих тяжёлых орудий, миномётной батареи, а затем пустил в ход пулемёты. Около половины пехотного полка и почти вся танковая рота были уничтожены. На закопченном снегу среди воронок догорали «тридцатьчетвёрки» и лежали несколько сот неподвижных тел.

Вчерашний удар был дерзкий и успешный. Танкисты провели осторожную разведку, которая осталась незамеченной, и решительно атаковали дивизион, добившись полного успеха, хотя и понесли потери в людях и технике. Теперь предстояло снова отбивать выгодный оборонительный рубеж, где сосредоточились два десятка танков и десантная рота автоматчиков.

Кроме того, не приходилось сомневаться, что в ближайшее время к русским придёт подмога. А значит, следовало спешить и нанести хорошо продуманный контрудар как можно скорее.

К ночи усилился ветер, сыпала колючая снежная крупа. Группа лыжников-егерей, бесшумно скользя, приблизилась к русскому боевому охранению, выдвинутому на полторы сотни метров. В неглубоком капонири стоял лёгкий танк Т-70, а в траншее расположилось отделение десантников.

Ещё две группы готовились нанести удары с флангов. Одну из них возглавлял лейтенант-артиллерист Гельмут. Из офицерского состава дивизиона спаслись лишь два человека – капитан-ремонтник и командир огневого взвода Гельмут.

Капитан был контужен. Четыре десятка уцелевших после танкового штурма солдат и унтер-офицеров предстояло вести в бой молодому лейтенанту. С Гельмута едва не сорвали погоны и награды, обвинив в трусости и позорном бегстве с поля боя. Затем передумали, но предупредили:

– Теперь у тебя только один путь – вперёд. Погибнешь в бою, похоронят как офицера со всеми почестями. Назад для тебя и твоих солдат дороги не существует.

– Я всё понял, – чётко козырнул лейтенант.

– Что ты понял? – с нескрываемой досадой спросил начальник штаба дивизии. – Русские влетели к вам на танках, пока вы отсыпались после Рождества, надеясь на свои тяжёлые пушки.

– Охрана не спала всю ночь, – вступился за своих погибших товарищей лейтенант. – Они встретили русских огнём, но их танковый кулак обрушился слишком внезапно.

– Штурмовым батальоном руководил опытный и продуманный русский командир. Ты помнишь, какое прозвище получил в Африке наш знаменитый фельдмаршал Эрвин Роммель?

– Так точно, господин полковник. Его называли Лис Пустыни. Он крепко вломил там англичанам.

– Ну, а ваш хваленый дивизион, усиленный зенитками и минометами, с ходу разнес Снежный Лис. Русский комбат рангом ниже, но умело атаковавший на открытой со всех сторон снежной равнине. Или он вынырнул со своими «тридцатьчетвёрками» из-под снега?

– Никак нет, – замялся лейтенант. – Он двигался по равнине ночью, и мы не успели среагировать.

– Ладно, оставим прошлое позади, – смягчился полковник. – Ты всего лишь лейтенант, и главная вина лежит не на тебе. Но расплачиваться придётся. Твоя группа, как и другие, приблизится по-тихому. Тем более, русские наверняка отмечали весь день победу – они любят выпить. Вас вооружили для штурма автоматами, гранатомётами, боеприпасов в достатке. Докажите, что вы умеете мстить.

Спортивно сложенный лейтенант в туго затянутой камуфляжной куртке, с автоматом, гранатами за поясом и запасными магазинами в под сумке, был настроен решительно. Родом из пригорода Берлина, он прошёл с тринадцати лет факельные шествия, многотысячные митинги на стадионах, когда масса таких же решительных мальчишек и девушек, будущих покорителей мира, кричали несмолкаемое «Хайль!» в честь своего фюрера.

В шестнадцать лет он громил лавки проклятых Богом евреев и проломил железным прутком голову соседу по улице, когда тот пытался защитить своих дочерей. Их изнасиловали здесь же, в разграбленной лавке возле мёртвого тела отца, а девятиклассник Гельмут стал считать себя мужчиной.

После школы он записался добровольцем в армию. Закончил артиллерийское училище и с весны сорок второго года воевал в России. Его батарея обстреливала Севастополь, топила суда с беженцами, затем была переброшена под Сталинград. С приходом зимы дальнобойный дивизион не давал большевикам прорвать стойкую оборону его товарищей, солдат армии Паулюса.

И вот от дивизиона остались в живых лишь четыре десятка рядовых артиллеристов и два офицера, старший из которых сразу направился в лазарет. Гельмут спросил полковника, поддержат ли их танки, но получил резкий ответ:

– Ваши бывшие позиции были хорошо укреплены. Сейчас там изрытая земля, воронки и сгоревшая техника. Русским есть где прятать свои танки и вести прицельный огонь. Всё должны решить штурмовые группы, которые усилены сапёрами и огнемётными расчётами. Жгите азиатов без всякой жалости – они заслужили это. А наши танки и самоходки подойдут в своё время.

Спрашивать было больше не о чем, оставалось только выполнять приказ. Солдаты, кроме обычного стрелкового вооружения, имели 30-миллиметровые гранатомёты, магнитные мины и несколько ранцевых огнемётов. Но противотанковое оружие было эффективно на небольшом расстоянии. Сумеют ли группы ворваться на позиции, смяв кольцо охраны?

Холм возвышался среди снежной равнины мрачной тёмной массой, где снег частично растаял и был закопчён от огня и дыма. Изредка из траншей вылетали осветительные ракеты. То в одном, то в другом месте стучали короткие пулемётные очереди.

Группа лейтенанта сумела подползти на сто шагов и замерла в снегу. Вокруг было минное поле. Русские об этом знали и держали здесь не слишком многочисленные посты. Слышался негромкий разговор пулемётчиков, виднелся огонёк махорочной сигарки.

Затем прошёл дежурный офицер, о чём-то поговорил с пулемётчиками и двинулся дальше. При свете взлетевшей ракеты Гельмут отчётливо разглядел светлый полушубок русского офицера и меховую шапку. Медлить дальше было нельзя – группа находилась слишком близко к русским.

Двое солдат подползли к пулемётчикам с тыла. Это были единственные уцелевшие разведчики дивизиона, умевшие бесшумно приблизиться к врагу. Две тени в масках метнулись к расчёту «Дегтярёва» и ударами ножей уничтожили обоих русских.

Группа, пригнувшись, добежала до траншеи и замерла, прислушиваясь к ночным звукам. Кажется, всё шло пока удачно. Теперь осталось выждать несколько минут, чтобы нанести удар одновременно с двумя другими группами. Гельмут разглядел в бинокль русскую «тридцатьчетвёрку». Она стояла на краю капонира метрах в восьмидесяти от траншеи.

Кумулятивный заряд гранатомёта на таком расстоянии был способен пробить лобовую броню и поджечь танк. Но неподалёку могла располагаться другая «тридцатьчетвёрка». Чтобы излишне не рисковать, лейтенант приказал второму гранатомётчику и нескольким солдатам продвинуться глубже.

В эту минуту раздался взрыв, и поднялась стрельба в том месте, где располагалось русское боевое охранение.

На башне «тридцатьчетвёрки» откинулся люк и показалась голова танкиста. Гранатомётчики сработали, не дожидаясь команды. Два кумулятивных заряда, весом 800 граммов каждый, ударили в корпус машины, пробивая броню струёй раскалённого газа. Клубящееся пламя сжигало всё внутри танка, убивая в считанные секунды экипаж. Через верхний открытый люк сумел выскочить лишь сержант – командир башни.

Шипя, вспыхивали снарядные гильзы. Взорвались сразу несколько фугасных снарядов, сотрясая машину. Язык пламени вырвался из люка, горящая «тридцатьчетвёрка» осветила всё вокруг. Вдоль траншеи бежали на подмогу пулемётчикам двое десантников.

Оба угодили под трассу скорострельного машингевера МГ-42 (двадцать пуль в секунду) и упали, срезанные наповал.

– Вперёд! – крикнул Гельмут. – Мы перебьём их, как сонных кур.

Молодой лейтенант был возбуждён удачным началом штурма и бежал впереди. Огонь осветил контуженного танкиста, который передёргивал затвор трофейного вальтера. Гельмут опередил его длинной очередью из своего МП-40. Пули пробивали тело насквозь, вырывая ключья из замасленного бушлата.

– Никакой пощады! – воскликнул лейтенант. – Эти азиаты давили наших товарищей живьём.

Перешагивая через тело смертельно раненого танкиста, Гельмут дал ещё одну очередь, хотя в этом не было необходимости. Вид умирающего врага возбуждал его, он стрелял, не считая патронов.

Если взвод Гельмута, а следом и другой усиленный взвод под командой опытного сапёра, обер-лейтенанта, ударившие с флангов, прорвались на позиции и продвигались вперёд, то егеря на центральном участке угодили под огонь боевого охранения.

Лыжи они сняли и быстро ползли, держа наготове оружие. Из траншеи их вряд ли заметят – егеря скользили сквозь снег умело и бесшумно. Главную опасность представлял русский танк. Это была лёгкая машина Т-70 с 45-миллиметровой пушкой и пулемётом. Егеря рассчитывали, что её экипаж из двух человек мало что разглядит в ночи.

Возглавлял боевое охранение младший лейтенант Антон Зуйков, командир лёгкого танка. Он не слишком надеялся на отделение десантников. Люди сутки не спали и почти все хорошо хлебнули днём трофейного рома.

Зуйков и сам с трудом боролся с дремотой. Ром он не пил – в его семье алкоголь употребляли редко, но отдохнуть днём не удалось. Он сидел, откинув люк, кутаясь с полушубок. Ветер был холодный, но отгонял сон. Раза два Антон выбирался из танка, будил десантников, внимательно всматриваясь в ночной сумрак.

Егерей подвела торопливость. Когда до русского танка и траншеи осталось метров сто, кто-то из молодых ускорил движение. Младший лейтенант увидел ползущие тени и выпустил красную ракету.

– Тревога! – срывая простуженный голос, крикнул Зуйков и дал очередь из пулемёта.

Егеря поняли, что единственный выход для них – сделать стремительный рывок. Оберфельдфебель, возглавлявший группу, был уверен в своих людях.

Прошедшие бои в Польше, имевшие опыт борьбы с партизанами на Балканах, егеря привыкли действовать быстро и решительно. В лёгких меховых куртках и лыжных ботинках, они бежали, пригнувшись, не обращая внимания на торопливые очереди башенного пулемёта. Главное – как можно быстрее сблизиться с танком и русскими солдатами, неуклюжими в своих длинных шинелях и шапках, в которых проспичь всё на свете.

На правом фланге взорвался танк, шла интенсивная стрельба – это говорило о том, что операция начинается успешно, и егерям тоже надо поторопиться. Продолжал сыпать очереди пулемёт, звонко ударила пушка-«сорокапятка», застучали автоматные очереди.

Но это был пока неточный торопливый огонь – кажется, русские ещё не продрали глаза после дармового рома! Егеря отвинчивали на бегу колпачки ручных гранат.

Расчёт противотанкового чешского ружья наводил в цель ствол. Десять зарядов калибра 7,92 миллиметра пробивали на расстоянии ста метров три сантиметра брони. Главное – не промахнуться и открыть огонь, пока русские не очухались.

Опасно недооценивать противника! Внезапность была упущена. Антон Зуйков, воевавший с лета сорок второго года, точной очередью перехлестнул немецкого бронебойщика. Ружьё перехватил второй номер, но младший лейтенант последними пулями, оставшимися в диске «Дегтярёва», достал и его.

Сержант Василий Дарькин смахнул длинной очередью ружьё, стоявшее на сошках, и заставил залечь егерей.

Экипаж Т-70 состоял всего из двух человек. Командир машины управлялся с пушкой и пулемётом один, лихорадочно перезаряжая диск. Механик-водитель уже завёл прогретый двигатель и кричал снизу:

– Антон, чего телишься? Давай рванём вперёд, я эту шайку на скорости с говном смешаю!

– Сиди на месте! У нас бортовая броня всего полтора сантиметра. Нельзя в свалку лезть. Скажи спасибо, что лобовая защита спасает.

Оба танкиста только сейчас ощутили, как бронебойные пули машингевера МГ-42 с силой бьют в корпус, наполняя грохотом лёгкий десятитонный Т-70. Зуйков снова открыл огонь, с тоской осознавая, что штурмовая группа вот-вот окажется в «мёртвом пространстве» и подорвёт машину гранатами.

Сержант Василий Дарькин тоже сменил диск своего ППШ и кричал бойцам:

– Цельтесь точнее... Готовьте гранаты!

Сержант был самым старшим по возрасту в отделении и действовал хладнокровно. Прежде всего, надо было обезглавить штурмовую группу, которую вёл рослый фельдфебель. Василий дал одну-вторую очередь и перевёл рычажок на одиночный огонь.

Фриц умело уклонялся от пуль, а возможно, его спасал их немецкий бог. Дарькин за полтора года войны больше привык к винтовке и точным прицельным выстрелам. Автомат и назначение в танковый десант он получил всего два месяца назад, после выписки из госпиталя. Рядом звякнула каска, и вскрикнул молодой боец, земляк Василия. Он ворочался на дне траншеи, зажимая ладонями пробитую пулей голову.

– Мама... помираю...

Другой десантник усилил огонь, оглядываясь на смертельно раненого товарища.

– Береги патроны! – крикнул ему сержант. – Диск у тебя последний!

На снег, шагах в десяти, шлёпнулась граната с длинной деревянной ручкой. Василий нырнул за бруствер, а когда выпрямился, увидел в полусотне метров бежавшего прямо на него фельдфебеля. Ларькин угодил в цель со второго выстрела, но фриц лишь замедлил бег, продолжая давить на спуск автомата.

– Жри, оглобля хренова!

Василий выстрелил дважды, немец упал на колени и вытянулся на снегу. Атака егерей захлёбывалась. Не меньше половины из двадцати отборных солдат Вермахта лежали на снегу, убитые или тяжело раненые. Остальные отступали. Умело, без паники, отстреливаясь на бегу. Но все они были хорошо заметны при свете взлетающих ракет, горящего танка и блиндажа неподалёку. Очереди башенного пулемёта Дегтярёва и автоматов ППШ догоняли бегущих. Тогда егеря, опытные в ближнем ночном бою, разделились на две кучки. Одни вели прицельный огонь, прикрывая камрадов, затем менялись, уходя от русских пуль.

Пятеро егерей добрались до ложбины, где оставили свои лёгкие лыжи, и сумели исчезнуть в сумраке декабрьской ночи.

– Нажрались, сволочи! – кричали из траншеи, десантники.

Кто-то побежал собирать трофеи. Егерь-хорват, лежавший с перебитой ногой, ненавидел коммунистов, впрочем, как и всех неверных. Несмотря на сильную боль, он лежал неподвижно, готовясь к встрече со Всевышним. Лишь слегка шевелились губы, читая последнюю молитву. Когда до русского солдата осталось десяток шагов, он выстрелил из старого манлихера, доставшегося ему от отца.

Пуля калибра 7,63 миллиметра ударила десантника в грудь, опрокинув лицом вниз. Он пытался подняться, ещё не понимая, что с ним произошло. Лишь парил от вытекающей крови почерневший снег, а из горла вырывалось хрипение.

У хорвата ещё оставались в магазине манлихера патроны. Он нажал на спуск, но бежавший следом десантник впечатал подошву сапога в кисть, сжимавшую пистолет.

– Не доби́ли гадюку!

Очередь сверху вниз прошла егеря, который пошёл добровольцем в германскую армию, когда

Гитлер захватил Югославию. Он расстреливал сербов, евреев, затем русских и был опасен в своей ненависти, как змея. Умиравший молодой десантник этого не знал.

– Все назад, в траншею! – кричал выскочивший из Т-70 младший лейтенант Зуйков, но десантное отделение не слышало его, добивая егерей.

– Какие потери? – спросил он у сержанта Дарькина.

– Двоих ребят наповал, и молодой, видать, кончается.

Бой шёл и на левом, и на правом фланге. Капитан Андрей Шестаков уже отдал необходимые распоряжения. Он видел, что складывается опасная для его батальона ситуация. Две немецкие штурмовые группы, укрываясь в воронках, капонирах среди разбитых орудий, сближались с танками, обходя их с бортов и тыла. Десантников оставалось слишком мало, а экипажи машин не успевали заметить опасность.

На левом фланге действовал сапёрный взвод, которым командовал обер-лейтенант, опытный взрывник. Повреждённая «тридцатьчетвёрка», которую не успели отремонтировать, угодила под струю огнёмёта.

Шипя, сгорала белая камуфляжная краска, огонь хлестнул механика-водителя, расплавил до земли лёд под ногами стрелка-радиста, метнувшегося прочь от смертельного липкого огня. Пламя выбивалось из-под решётки жалюзи, вспыхнул двигатель.

У ефрейтора-огнемётчика оставалось в массивном баллоне за спиной ещё достаточно горючей жидкости. Вместе с двумя помощниками он бежал к следующей щели – бронетранспортеру «Скаут», выползавшему из капонира. Старшина Тимофей Черняк разворачивал в

их сторону ствол крупнокалиберного пулемёта «Браунинг», установленный на вращающейся турели над кабиной полугусеничного бронетранспортёра.

– Паскуды! Машину мне испортить хотите!

Пулемёт замолотил гулко, как в пустое ведро, рассеивая пули над головами огнемётчика и его помощников. Ефрейтор успел нажать на спуск, но струя не долетела до бронетранспортёра – огнемёт бил на сорок метров.

Зато выскочивший на полном газу «Скаут» дал возможность старшине открыть точный огонь. Тяжёлые пули калибра 12,7 миллиметра свалили на землю ефрейтора и одного из его помощников. Уходя от светящейся, смертельной трассы, которая рассеивала пули со скоростью девятьсот метров в секунду и разбивала в комья смёрзшуюся землю, часть взвода залегла.

Остальные, во главе с обер-лейтенантом, вклинивались мелкими группами в глубину обороны, заработал ещё один огнемёт. Из горящей «тридцатьчетвёрки» успели выскочить трое танкистов во главе с заместителем комбата Калугиным.

Механик-водитель сразу открыл огонь из автомата, Калугин стрелял из ТТ. Замешкавшись, сержант-башнёр, раненый в руку, выдёргивал зубами кольца «лимонок» и успел бросить две штуки. Окружённый экипаж выручили десантники, заставив немецких сапёров отступить. Несколько тел остались лежать на снегу.

Комбат Шестков кричал из открытого люка командиру десантной роты Павлу Мельнику:

– Прикрывай со своими ребятами танки, пока мы разворачиваемся для встречного удара.

И побольше осветительных ракет.

За час до этого Шестаков получил радиogramму о том, что стрелковый полк, идущий к ним на подмогу, завяз во встречном бою с эсэсовским моторизованным батальоном. Никто не мог предугадать, когда придёт помощь – так необходимая сейчас пехота.

Здесь, на холме, в темноте, среди траншей, капониров, разбитой немецкой техники, сапёрная рота с её огнемётами, магнитными минами, противотанковыми гранатами имела все преимущества перед «тридцатьчетвёрками».

Мобильные группы были вооружены 30-миллиметровыми гранатомётами, способными пробивать броню советских танков кумулятивными зарядами на расстоянии ста метров.

Шестаков предвидел ночную атаку и заранее распределил участки обороны. Большинство танков стояли на возвышениях возле капониров, готовые открыть огонь. Однако вместо атаки мог начаться артиллерийский обстрел сразу из нескольких точек. Поэтому танки были привязаны к своим укрытиям и не смогли отбить ночной штурм ещё на подходе немецких групп.

Сыграла свою роль и усталость экипажей, которые до этого толком не спали двое суток, хлебнули днём в честь успеха трофейного рома.

Всё это позволило немецким штурмовым группам прорвать в нескольких местах оборону и поджечь три танка. Но затем атака застопорилась. Отбил удар егерей младший лейтенант Зуйков, имея в распоряжении всего лишь отделение десантников и лёгкий танк Т-70.

Старший лейтенант Родион Соломин, недавно назначенный командиром второй роты, не жалел трофейных осветительных ракет и, хотя потерял одну «тридцатьчетвёрку», остановил взвод артиллеристов и сапёров. Он не дал им приблизиться к машинам и расстреливал мелькавшие тени из башенных пулемётов.

Трое сапёров проскользнули по узкому отсечному ходу. У них имелись огнемёт и магнитные мины. От «тридцатьчетвёрки» командира разведвзвода Бельченко Петра сапёров отделило расстояние в полсотни шагов.

Лейтенант открыл огонь из пулемёта, но тройка сапёров укрылась в траншее.

– Командир, врежь по ним фугасом! – кричал заряжающий.

– Без толку, мёртвая зона, – отозвался старший лейтенант. – Бери автомат, гранаты и прикончи их сверху.

Сержант открыл люк, готовый выпрыгнуть из машины. По броне лязгнули пули, а огнём выпустил струю дымного пламени. В нескольких шагах от корпуса машины горела прошлогодняя трава, шипел и парил снег.

– Сожгут, гады! – охнул механик-водитель.

Бельченко, опустив ствол пушки до упора, надавил на педаль спуска. Шестикилограммовый фугас пронёсся над головой огнемётчика. Сильный динамический удар летящего со скоростью семьсот метров в секунду снаряда сбил сапёра с ног, переломив шейные позвонки.

Сержант-танкист бежал к отсечной траншее, стреляя из ППШ и не давая поднять голову уцелевшим сапёрам. Затем, выдернув кольцо «лимонки», бросил её в узкую траншею.

Гельмут, возглавлявший на этом участке атаку, выпустил очередь и ранил танкиста. Русского требовалось добить, однако магазин автомата опустел.

– Он бросил гранату! – кричал бежавший навстречу сапёр.

Они столкнулись с лейтенантом и оба застряли в узком отсечном ходу

– Там граната, – в отчаянии повторил сапёр, и это были его последние слова.

Взрыв «лимонки» разнёс огнём, в баке которого оставалось литров десять горючей смеси. Выплеснувшись, она сжигала всё, что находилось вокруг. Через секунды взорвались несколько магнитных мин, завалив отсечный ход.

Сапёр был убит, тело его горело. Гельмут, пока ещё не чувствуя боли, кое-как выбрался из-под осыпавшейся земли. По камуфляжной куртке расплзлось шипящее тысячеградусное пламя. Острой болью прожгло руку, затем спину.

Лейтенант, выкормыш гитлерюгенда, которому лично пожимал руку фюрер, извиваясь, стаскивал с себя куртку. Она расплзалась вместе с френчем и тёплой нательной рубашкой. Гельмут догадался расстегнуть кожаный пояс с кобурой и запасными магазинами. Морозный ветер немного заглушил боль, но, взглянув на левую руку, лейтенант ужаснулся – она обгорела от кисти до локтя.

– Хильфе! Помогите! – звал на помощь лейтенант.

От такого зрелища мог потерять самообладание куда более опытный офицер. Гельмут же оставался, по сути, мальчишкой, прожившим короткую мутную жизнь. Мелькнули в памяти расстрелянные еврейские девушки, их обнажённые тела, которыми они пытались откупиться от смерти.

Кормой вниз уходил под воду огромный пароход. С бортов прыгали беженцы, матери прижимали к себе детей, а снаряды добивали судно и тех, кто пытался выплыть. Это было под Севастополем.

Гельмут вдруг остановился, почуяв опасность. На краю отсечной траншеи стоял низкорослый русский солдат с автоматом, рассматривая обгоревшего немца. Возможно, русский бы пощадил его, но разглядел на груди вытатуированную свастику.

– Фашист?

– Найд, – замотал головой Гельмут, выставив обожжённую руку.

Очередь опрокинула лейтенанта на дно отсечного хода, а русский солдат, сняв с запястья трофейные часы, убедился, что они не ходят.

– Сволочь фашистская, – бормотал низкорослый солдат из-под города Пскова. – Свастику на груди выколол и пощады просит.

Ночная атака штурмовых групп была отбита. А после полуночи наконец появились головные роты стрелкового полка. Лошади тянули лёгкие «сорокапятки»; повозки с боеприпасами и разным хозяйственным барахлом, полевые кухни. Уставшие после долгой дороги пехотинцы в длиннополых шинелях и обледеневших валенках обессилено садились на снег и жадно затягивались искрящимися на ветру самокрутками.

– Наконец-то «махра» (прозвище пехоты – авт.) пожаловала, – зубоскалили танкисты. – Как раз после драки кулаками помахать.

– Зато вы тут вдоволь навоевались, – поддевали танкистов измотанные долгим маршем пехотинцы. – За бронёй из пушек можно фрицев бить. Вас на пулемёты в лобовую атаку не гонят.

– Тут не только пулемёты, а целый дивизион дальнобойных орудий нас встречал. Всех прикончили и контратаку отбили, пока вас дожидались.

– Не радуйтесь, герои, мы ещё своё получим, – огрызнулся пожилой сержант. – Здесь один полк уже наступал, весь склон погибшими завален.

– Разуй глаза – наши сгоревшие коробочки увидишь! Думаешь, легко тут было?

– Никому на этой войне не сладко, – подвёл итог пустой болтовни бывалый сержант. – Хорошо хоть фрицы траншеи выкопали и блиндажи добротные. Не то что наши землянки. Правда, помяли вы их гусеницами, но мы расчистим.

Из кустарника на склоне небольшого холма ударил трассирующими очередями немецкий пулемёт. Расстояние в два с лишним километра рассеивало очереди, но пехота дружно ударила в ответ из трёхлинеек и максима.

– Прекратить стрельбу!

Командиры рот спешно наводили порядок и занимали место для обороны, расширяя обрушенные траншеи.

– Откуда вероятнее всего ждать главных ударов? – вежливо козырнув, обратился к Шестакову один из ротных командиров.

– Решайте сами, – пожал плечами комбат. – С одной стороны, Паулюс с его окружённой группировкой, а с юго-запада – Манштейн. По нам сразу с трёх сторон ударили.

– У вас танки с трёхдюймовыми пушками, а у нас на четыре роты всего батарея «сорокапятков».

– Мне тебя пожалеть, что ли? – вскинулся капитан. – Плацдарм для вас отбили, а вы решить не можете, в какой стороне немцы находятся.

– Определимся как-нибудь, – обиженно буркнул ротный.

Солдаты устраивались в траншеях, пулемётчики обустраивали гнёзда для максимов. Рассматривали смятые дальнобойные орудия с массивными стволами, убитых немецких артиллеристов.

– Крепко поработали танкисты.

– Внезапно налетели. Фрицы и опомниться не успели.

– Дураки немцы, так, что ли? – насмешливо перебил разговор пехотинцев командир второй роты Родион Соломин. – Дрыхли без задних ног,

а нам только и оставалось, что прихлопнуть их, как сонных мух. Вы это настроение бросьте. Фрицы воевать умеют.

– Эй, кто тут старший из танкистов? – раздался чей-то властный голос.

Полковой комиссар в полушубке и шапке-папахе, оглядев комбата Шестакова, снисходительно похвалил.

– Неплохо воевал, капитан.

– Весь батальон воевал и десантная рота.

– Сколько машин на ходу?

– Пятнадцать, – с трудом сдерживаясь, отозвался Шестаков. – Из них три лёгких танка Т-70. Ещё три машины надеемся отремонтировать в течение дня.

Казалось, ничего особенного. Полковой комиссар, как старший по должности и званию, имел право поинтересоваться боеспособностью танкового батальона. Хотя танкисты напрямую ему не подчинялись. Но Андрея Шестакова задел снисходительный тон комиссара.

– Лёгкие или тяжёлые, но танки есть танки. И каждый вооружён пушкой и пулемётами. Так, что ли, товарищ Шестаков? Они нам в обороне очень пригодятся, пока не подойдёт дивизионная артиллерия.

– У танкового батальона своё задание. Нам должны подвезти снаряды и горючее, а к вечеру мы выступаем.

– В боевой поход? – засмеялся помощник комиссара по комсомолу, рослый лейтенант в полушубке с автоматом.

Шестаков промолчал. Комсомольский вожак в добротном полушубке, валенках, с туго набитой полевой сумкой, да ещё с автоматом – явно из породы штабных вояк. Не то что рядовые бойцы в поношенных шинелях, многие в ботинках с обледеневшими обмотками – валенки далеко не у всех.

– Выступите, когда получите приказ, – не стал обострять отношения комиссар. – А пока будете держать оборону вместе с полком.

– Комсомольцы твои в ботинках не мёрзнут? – поддел лейтенанта механик-водитель Никита Пименов. – У побитых фрицев сапогами можете разжиться. И носками тёплыми.

– Обойдёмся без фашистских обносков, – гордо заявил главный комсомолец. – А часы, небось, все растащили?

– Нет, тебя дожидались! Вон, гранату подбери, пригодится. Автомат и пистолет таскаешь, а гранаты забыл, Непорядок.

Позубоскалив, заняли свои места. Перед рассветом пришли два грузовика со снарядами и горючим. Торопились заправиться, пехота помогала носить тяжёлые снаряды, которые загружали через люки. Танкисты едва держались на ногах от усталости. Наконец, дали команду отдыхать.

Спали до того крепко, что некоторые не просыпались даже от взрывов мин, благо молчала тяжёлая немецкая артиллерия. Видимо, берегли снаряды на случай наступления русских.

В блиндаже комбата Шестакова остались капитан Калугин и начальник разведки Пётр Бельченко. Пригласили для компании медсестру Киру Замятину.

– Некогда мне с вами сидеть, – чувствуя себя не в своей тарелке, отказывалась медсестра.

– Боишься, что приставать будем? – засмеялся Андрей Шестаков. – Так нас тут трое мужиков, да ещё радист в прихожей. На всех не поделить.

– А вам бы очень хотелось, товарищ капитан, – съязвила медсестра. – Так вы разошлите всех по делам, а радист не помешает.

– Чего не помешает? – свёл скулы Шестаков. – Тебя пригласили перекусить да погреться в тепле.

– У меня в санчасти тоже натоплено. Игнатъич один скучает. Может, кто из раненых зайдёт.

– Хоть ты и красивая девка, Кира, но не ломайся, если тебя комбат пригласил, – разливая трофейный коньяк, сказал начальник разведки Бельченко. – Ну, за что выпьем?

– Сначала за погибших товарищей, – встал с кружкой в руке Андрей Шестаков. – Пусть земля им пухом будет.

С часок посидели, позавтракали подогретой рисовой кашей с мясом, трофейными консервами.

Пришёл раскрасневшийся с мороза командир второй роты Родион Соломин, сообщил, что пока тихо. Протянул Кире Замятиной шоколадку в яркой фольге.

– Угощайся, Кира. Ребята в полевой сумке у немецкого офицера нашли.

– У мёртвого фрица шоколад забрали и мне в подарок принесли. Спасибо за внимание.

Лицо старшего лейтенанта Соломина побагровело. Он воевал с прошлой зимы, дважды был ранен и много чего нагляделся за год войны. Скулу пересекал шрам, след осколка, угодив-

шего в лицо. Часть зубов ему удалили, вставили железные, старившие молодого двадцатичетырёхлетнего парня. Шоколадка осталась лежать на столе, а Родион пробормотал:

– Видать, мёрзлой конины барышне не пришлось попробовать. Ладно, сами съедим с чаем.

Сержант Замятина сделала движение, чтобы встать из-за стола, но перехватила откровенно неприязненный взгляд разведчика Петра Бельченко. Поняла, что если уйдёт, отношения с офицерами батальона безнадежно испортятся. Да и черт с вами! Смотрят, только что слюни не пускают!

Поборов самолюбие, с усилием изобразила улыбку, адресованную капитану Шестакову.

– А вам, товарищ комбат, немцы прозвище присвоили – Снежный Лис. Оценили внезапный удар по их дальнобойной батарее.

– Немецкий язык знаешь? – быстро спросил Шестаков, закуривая папиросу. – Только это не батарея была, а усиленный дивизион. Где немецкий язык выучила? В медучилище?

Кира Замятина знала немецкий в пределах средней школы, кое-какие слова выучила за четыре месяца пребывания с санбате. Ей стало неудобно, что ради ненужного комплимента она ляпнула про немецкий язык.

Пришлось выкручиваться. Нахваталась всего понемногу на фронте. Но это разрядило обстановку. Ординарец принёс горячий чайник, и Кира с облегчением разломала на дольки злополучную шоколадку.

Затем все понемногу разошлись. Должно быть, Калугин, Соломин, да и остальные догадывались, что комбату нравится медсестра, и он не против побыть с ней. Она слышала, как начальник разведки Петя Бельченко, совсем ещё мальчишка, важно инструктировал сержанта-радиста:

– Ты Андрея Михайловича по пустякам не беспокой, пусть отдохнёт как следует. И чтобы всякие-разные без дела не шатались. Если фрицы не полезут, до вечера все отдыхаем.

Кира Замятина отхлебнула холодного чаю. Конечно, сейчас комбат придвинется поближе, нальёт в кружки рома и предложит какой-нибудь дурацкий тост. А когда они выпьют, пожалуется на одиночество и полезет обниматься. Перед этим отпустит пару неуклюжих комплиментов и сообщит, что Кира ему очень нравится. А дальше раздевайся и ложись с ним – как-никак, а он её начальник. Командир отдельного штурмового батальона, а она всего лишь медсестра.

Она не ошиблась. Шестаков налил в кружки, правда, не рома, а вина из тёмной трофейной бутылки.

– Ну что, выпьем за победу, Кира Николаевна?

– Вам от жены давно писем не приходило? – принимая кружку, спросила медсестра, глядя в упор на капитана.

– Давно, – коротко отозвался Шестаков и одним глотком опрокинул кисловато-терпкое вино.

– Письма сейчас долго идут, особенно зимой в бездорожье.

– Долго, – кивнул комбат.

– Ну а вы хоть домой пишете?

Он встал, одёрнул гимнастёрку с двумя нашивками за ранения, орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

– Допивайте вино. Вроде неплохое. И отдохните, пока время есть. В ночь, судя по всему, двинемся.

– Мне у вас в блиндаже отдохнуть или к себе можно пойти?

– Идите к себе. Тем более, Игнатъич печку наверняка натопил. Он тепло любит.

– Тогда разрешите удалиться, – тоже поднялась медсестра. – Если можно, конечно.

– Да не язвите вы, Кира. Никто к вам не навязывается. Нет причин на меня так смотреть.

Красивая медсестра Замятина неторопливо надела полушубок, затянула португею и набросила на плечо санитарную сумку. С едва уловимой усмешкой козырнула и аккуратно закрыла за собой дверь.

Ну вот, не получился полевой роман... Хотя Шестаков на что-то рассчитывал. Впрочем, будь Андрей понастойчивее, Кира, наверное, осталась бы с ним. Но капитана задела язвительность медсестры и особенно напоминание о жене.

Вместе с пятилетней дочерью она осталась в военном городке под Брестом. Эвакуироваться не сумела, иначе дала бы о себе знать. Могла попасть под бомбёжку и погибнуть вместе с дочерью. Да мало ли что случается на войне. Полтора года прошло. Боль временами накатывает, иногда хочется забыться. Например, как сейчас. Не получилось.

Одному оставаться в просторном блиндаже было тоскливо. Послал ординарца за Калугиным. Затем пришёл командир десантной роты Павел Мельник и сообщил, что немецкие наблюдатели замаскировались на соседнем холме.

– Ну, с этим пусть командир пехотного полка разбирается, – отмахнулся Шестаков. – Давайте отдыхать.

– Можно бы граммов по сто выпить, – предложил Калугин. – И на боковую.

Предложение самого старшего по возрасту командира роты приняли единогласно. Выпили ещё, а затем улеглись поспать. Когда ещё выпадет такая удача – в тёплом блиндаже вздремнуть.

Про Киру Замятину никто ничего не спрашивал. Если ушла, значит, не всё гладко получилось. А к вечеру танковый батальон уже готовился продолжить путь вдоль линии фронта.

Глава 3

Танковый комбат Андрей Шестаков

Двадцатисемилетний комбат Андрей Шестаков был родом из деревни Сухая Терешка Саратовской области. Вокруг степь, редкие перелески и мелкая речушка Терешка, которую можно перейти вброд.

Скучные глухие места. До Саратова триста с лишним вёрст, до райцентра – полсотни. Летом – жара, зимой – пронзительный холодный ветер, наметающий сугробы по поясу.

Хорошо в здешних краях весной. В мае степь становится изумрудно-зелёной от густой сочной травы. Вокруг мелкие и крупные озёра, танцуют серые журавли, в озёрах вьют гнёзда среди камыша дикие утки. Терешка разливается на полверсты, на плёсах скользят быстрые тени – пришла на нерест рыба.

Мужики и сельские ребята ставят вентера, охотятся с острогами на шук. В это время почти в каждом доме готовят наваристую уху, жарят, засаливают впрок голавлей, судаков, попадаются и сомы, но в основном приносят карасей да разную мелочь. Летом и этого не будет.

Детей в семье Шестаковых пятеро. Старший – Никита, трое девчонок и Андрей. Школа в деревне начальная, а чтобы закончить семилетку, надо шагать шесть километров до соседнего села. В большинстве семей это считалось баловством – к чему они, семь классов? В школу до войны ходили с восьми лет, а в тринадцать годков уже начиналась работа по хозяйству, где физика да химия не нужны.

Бедновато жили колхозники. На трудодни по осени получала семья Шестаковых мешка четыре ржи, сколько-то гороха, овса, а о деньгах и речи не шло. Выкручивайтесь, как хотите. Выручало подсобное хозяйство, обширный картофельный огород, капуста, огурцы, помидоры.

Из семьи Шестаковых осилили семилетку Андрей да сестрёнка Маша. Старшие дети подросли, появилась возможность учиться младшим. В тридцать четвёртом году Андрей подал заявление в Саратовское танковое училище. Прошёл медкомиссию, комсомолец, из колхозной семьи – приняли сразу.

В тридцать шестом году отправили служить на Дальний Восток, где складывалась непростая обстановка. Лейтенант, красивая форма, жалко, не дали заехать в родную деревню, показаться родне.

В тридцать девятом году дивизию перебросили в Монголию, куда вторглись японские войска, захватившие к тому времени почти всю Маньчжурию. Ехали, как на праздник, не сомневаясь, что с ходу разобьют обнаглевших самураев. Политработники надрывались вовсю, расхваливая мощь Красной армии, её танковые войска и умение нанести крепкий удар.

Вспоминая позже три месяца боёв на Халхин-Голе, командир взвода старший лейтенант Шестаков понял, что не пройди он эту жестокую школу, вряд ли бы выжил в будущей большой войне.

Взвод Андрея Шестакова состоял из трёх лёгких машин. Два танка ВТ-5 и его командирский, более современный БТ-7. У японцев, в основном, были на вооружении лёгкие танки «Ха-Го». И хотя командиры, и особенно политработники, отзывались о них пренебрежительно, «япошки» не уступали в броневой защите нашим ВТ-5.

Слабее у «Ха-Го» были башенные пушки, но даже калибр 37 миллиметров пробивал броню наших лёгких танков за километр. БТ-7 был более современной машиной, с лобовой бронёй двадцать два миллиметра, двигателем втрое мощнее, чем у «японца», и рациональным наклоном брони, особенно в полукруглой башне.

Но говорить о лёгких победах в ходе боёв на реке Халхин-Гол не приходилось. Уже на четвёртый день взвод Шестакова потерял одну из машин, сгоревшую от попадания бронебойного снаряда. Похоронили в чужой песчаной земле останки двух товарищей.

Андрею и его экипажу пока везло. Снаряд врезался в усиленную башенную «подушку» и отрикошетил. Танк словно ударило огромной кувалдой. Сержанта-башнёра контузило, Шестакова сбросило с сиденья, но механик-водитель вывел танк из-под огня и укрыл машину в низине.

Постепенно приобретал опыт. Понял, как важно умело маневрировать, не подставлять врагу борт и заходить для решающего удара с фланга. Удачным выстрелом «сорокапятки» вложил снаряд в основание башни «Ха-Го», а затем добил машину, которая горела чадным дымным пламенем солярки.

Ротный объявил Шестакову благодарность. Пообещал за следующий подбитый танк награду.

– Можно япошек бить? – восклицал командир роты, которая уничтожила в бою два японских танка и раздавила миномётную батарею.

– Можно! – дружно согласились два других взводных.

Молодые лейтенанты словно забыли, что и рота потеряла две машины, погибли пятеро танкистов и почти два десятка пехотинцев из десанта.

Да, у японцев были слабее пушки, двигатели, лобовая броня. Но Андрей Шестаков не забыл, с каким ожесточением выскакивали из траншей вражеские солдаты, громко выкрикивая «Банзай!» своему императору, и бежали на пулемёты.

Сапёры и гранатомётчики до последнего поджидали приближения русских танков, а затем с десяти шагов швыряли мины, связки взрывчатки, бутылки с бензином.

– Им больше нечем воевать, – небрежно отмахивался ротный, а Шестаков тогда чудом увернулся от брезентовой сумки с брусками тротила.

Фугас рванул в пяти метрах, встряхнув тринадцатитонную машину. Сапёр бежал с бутылкой бензина. Шипела затравка из крупных серных спичек. Пехота отстала, и надеяться оставалось только на себя.

Старший лейтенант успел развернуть башню и опрокинуть сапёра длинной очередью. На песке горело тело японского солдата, второй, с перебитой ногой, из последних сил тоже бросил бутылку – она не долетела двух-трёх метров.

Многие танкисты запомнили, но старались не упоминать в присутствии начальства и другой случай. Японский офицер, выглядевший нелепо со своим блестящим на солнце мечом, вскочил на корму БТ-5 и с силой воткнул меч в решётчатые жалюзи двигателя.

Затем открыл огонь из маузера в смотровые отверстия. Раненый командир танка застрелил офицера из нагана, сбросил тело на землю и с трудом выдернул из жалюзи меч. Повредить двигатель японец не сумел, но отчаянный поступок вражеского офицера заставил танкистов действовать осторожнее.

– Фанатик! – сказал тогда комиссар батальона.

– С саблей на танк кинулся! – засмеялся его помощник по комсомолу.

Но танкисты смех не поддержали.

– Сволочи, отчаянно дерутся! – переговаривались они между собой.

А взвод старшего лейтенанта Шестакова спустя неделю едва не погиб в бою.

Взвод по-прежнему был неполный. Кроме того, накануне вечером взрывом снаряда порвало гусеницу у танка БТ-5. Механик-водитель, уходя из-под огня, смял гусеничную ленту. Была также повреждена ось ведущего колеса.

Запасную ось доставили поздно ночью. Гусеницу частично починили, но ремонт до конца не довели. Включать освещение было опасно, японцы вели огонь на любой отблеск. Кроме

того, кто бывал на степной речке Халхин-Гол, знает, что по ночам там не дают жизни полчища комаров, мешая работать.

Конечно, комары были не главной причиной. Шестаков дал отдых измученным, уставшим экипажам, зная, что утром наступление не планируется. В роте будут вестись ремонтные работы, и намечен подвоз боеприпасов.

Однако через час людей разбудили и приказали срочно готовиться к маршу.

– У меня «пятёрка» не на ходу, – доложил Шестаков.

Командир роты знал ситуацию, но сделал вид, что не в курсе дела.

– Ты что, машину не отремонтировал?

– Когда? Запасную ось час назад доставили.

– А почему ремонт не продолжили? – вскипел ротный. – Знаешь, что за это в боевых условиях бывает?

– Знаю. Сейчас начнём ремонт, – огрызнулся Шестаков.

– Попробуй только до рассвета не поставить машину в строй! Под суд пойдёшь.

Танк к рассвету кое-как отремонтировали, и рота двинулась в наступление, поддерживая атаку стрелкового батальона. Целью атаки был захват одной из высот на берегу Халхин-Гола.

Взвод Шестакова наступал на правом фланге. Толком не отремонтированный танк нужную скорость не развивал. Уходя от встречных снарядов, механик сделал резкий поворот, гусеница снова порвалась.

Старший лейтенант воевал теперь за весь взвод, помощи ждать было не от кого. Пехота прижималась к его машине, единственной защите от пулемётного огня. Бронебойные болванки летели всё точнее. Шестаков с тоской осознал, что атака обречена.

– Бери правее – и полный газ, – скомандовал он механику.

– Прикончат нас болванкой в борт! – крикнул сержант.

Но команду выполнил. Крепко тогда рисковал взводный Шестаков, подставляя борт под снаряды. Только другого выхода не видел. Надеялся на мощный двигатель и скорость. Рассчитал, что корпус частично защищает гребень холма, и если проскочить сотню метров, то сумеет выйти во фланг.

Над башней пронеслась одна и другая болванка. Фугасный снаряд снёс верхушку гребня, по броне лязгнули осколки.

– Поворот! – толкнул механика ногой в лечо Шестаков.

Выбрасывая из-под гусениц сухую глину пополам с песком, БТ-7 круто развернулся. За брестером длинными очередями бил в его сторону станковый гочкис на треноге.

Но это было полбеды. Хотя скорострельный гочкис всаживал очереди с расстояния ста шагов, наполнив машину лязгом и грохотом десятков пуль. Опасность появилась в виде более массивного танка «Чи-Ха» с пушкой калибра 57 миллиметров, недавно принятого японцами на вооружение.

– Сучий хвост! – ахнул механик-водитель, увидев вражескую машину.

Но экипаж «японца» не успел развернуть башню и корпус. Для машины весом пятнадцать тонн двигатель мощностью 170 лошадиных сил был слабоват. Снаряд «сорокапятки» пробил бортовую броню, высекая сноп искр. Башня, дёрнувшись, сделала четверть оборота, но старший лейтенант уже выпустил второй снаряд.

Две раскалённые болванки наполнили японский танк клубящимся пламенем, огонь выплёскивался из открывшегося люка.

Что не раз выручало Андрея Шестакова – это быстрая реакция. Не обращая внимания на летевшие из траншеи гранаты, плотный пулемётный огонь, опасный для бортовой брони с близкого расстояния, старший лейтенант гнал машину на полной скорости вперёд.

С маху смял противотанковую пушку, всадил снаряд во вторую. Расчёт пытался развернуть повреждённое орудие, но не успел, срезанный пулемётами русского танка БТ-7. Когда бой закончился и батальон оседлал высоту, Шестаков молча обошёл свою «бэтэшку».

Снаряд вывернул подкрылок и смял угол брони. Другая 37-миллиметровая болванка оставила оплавленную борозду на лобовой башенной броне. Пулемётные очереди отпечатались десятками мелких и глубоких вмятин, изорвали скатанный в рулон брезент на корме.

Командир роты сказал, кривя улыбку:

– Везучий ты, Шестаков. Два снаряда словил и жив остался.

– Да и мы в цель иногда попадали, – отозвался старший лейтенант.

Насчёт уничтоженного танка нового образца и двух разбитых, сплюсненных пушек командир роты промолчал, словно не заметил. Танковая рота понесла немалые потери, и хвалить подчинённого у капитана настроения не было. Успехи за умело проведённую атаку раскидали на уцелевшие экипажи.

А орден Красной Звезды Андрей Михайлович Шестаков получил в заключительных боях на Халхин-Голе, когда уже сам командовал танковой ротой.

Не от хорошей жизни командование фронта выделило в разгар наступательных боёв под Сталинградом отдельный танковый батальон, усиленный бронетранспортёрами и десантной ротой автоматчиков.

Войска с трудом сумели отбить неожиданный удар бронетанковой группы генерала Гота, остановив её едва не на последних километрах от передовых частей армии Паулюса. Шли ожесточённые бои по периметру взятой в кольцо немецкой группировки. Не хватало войск, чтобы создать плотное окружение и крепко замкнуть «Сталинградский котёл».

Чтобы усилить слабые места, подтягивали новые части. Танковыми ударами уничтожали опасные выступы, теснили Паулюса, не давая ему возможности собрать силы для контрударов.

Танковый батальон капитана Шестакова сумел неожиданным ночным штурмом, обойдя минные поля, уничтожить дальнобойный артиллерийский дивизион и отбить выгодный участок для дальнейшего наступления. Теперь на плацдарме укреплялся пехотный полк, подтягивали артиллерию, а Шестаков получил новое задание.

Требовалось продвинуться на двадцать километров юго-западнее. Уничтожить по пути мелкие немецкие заслоны и встать во временную оборону на танкоопасном направлении. Подчёркивая важность задания, из штаба бригады был прислан для дополнительного инструктажа делегат связи, штабной майор на «виллисе» в сопровождении двух автоматчиков.

– Доложите имеющиеся силы, – с ходу потребовал майор.

Шестаков вместе с Калугиным проверял «сорокапятку» на лёгком танке Т-70. Машине не повезло. Бронебойный снаряд небольшого калибра насквозь пробил башню, исковеркав тело младшего лейтенанта, для которого первый бой оказался последним.

Пробоины заклепали, подобрали нового командира машины, опытного сержанта-башнёра из экипажа сгоревшей «тридцатьчетвёрки». Сержант принял деятельное участие в ремонте, проверил все узлы, двигатель, орудие, сделал пробный выстрел и, снова осмотрев «сорокапятку», сказал:

– Надо ещё разок пальнуть. Боюсь, крепления ослабли.

– Пальни, – согласился Шестаков.

– Вы что, глухой? – взвился посыльный. – К вам обращается майор из штаба бригады, а вы из танкетки пальбу устроили.

– Это не танкетка, а танк Т-70, участвовавший в бою, – вытирая ладони ветошью, отозвался комбат. – А командир его погиб во время атаки. Смелый был лейтенант, думаю к награде представить.

– Вы что, издеваетесь надо мной? Какой лейтенант, какая награда? Ваш батальон срочно направляют на танкоопасное направление. Я прибыл сюда для подробного инструктажа, мне надо знать...

Звонкий выстрел башенной «сорокапятки» заставил майора вздрогнуть. Из люка высунулся сержант и, козырнув майору, сообщил:

– Пушка в порядке. Повоюем.

– Шестаков, вы мне доложите, наконец, по существу вопроса или нет?

– Доложу. В наличии имеются четырнадцать танков Т-34, три лёгких Т-70 и два бронетранспортёра «Скаут». В десантной роте шестьдесят восемь бойцов и командиров. Машины заправлены, имеем полуторный запас снарядов и патронов.

– Неплохо, – смягчился майор. – Видать по всему, немцы не сумели организовать оборону, если вы потеряли всего четыре машины.

– Не четыре, а семь, – вытянув руки, показал на пальцах комбат. – Семь танков сгорели и тридцать наших товарищей похоронили – танкистов и десантников. От некоторых один пепел остался. А лейтенанта с этого лёгкого Т-70, мальчишку восемнадцатилетнего, пополам бронейным снарядом разорвало. Кровь только что отмыли.

Майор вспомнил, что батальон усиленный. Кроме двадцати одного танка по штату, в него входил разведывательный взвод из трёх машин. Семь сгоревших танков – потери для батальона немалые. Сглаживая обстановку, он передал личную благодарность командования и обещание представить к наградам наиболее отличившихся танкистов и десантников.

Майор достал карту и очертил карандашом кружок.

– В этом месте восемь километров фронта прикрывает единственная батарея 1080-го зенитно-артиллерийского полка. Направление танкоопасное – ровная степь и мелкие замёрзшие речушки. Вам надо выдвинуться туда и перекрыть эти восемь километров, сил у вас достаточно.

– Что, и пехоты там нет? – спросил Шестаков.

– Собирались направить роту бронейщиков, но её перенацелили на речку Мышкову, отражать танковый удар Гота.

– Там она, наверное, и осталась, если до сих пор не прибыла, – покачал головой Калугин.

– Может быть...

– Может, – изучающе рассматривал карту комбат Шестаков. – И батарея существует или нет – неизвестно. Возможно, там фрицы давно засели. Разведка хоть что-нибудь сообщает?

– Двое суток назад батарея находилась на месте. А что происходит сегодня, предстоит выяснить вам, товарищ капитан. И если там находится враг, то его следует уничтожить и организовать оборону.

– Ясно, – коротко бросил Шестаков, надевая танкошлем.

– Как прибудете на место, сразу сообщите в штаб бригады. Ну, счастливо, комбат.

– И тебе, майор, не хворать. По сторонам глядите. Немцев недобитых тут хватает: разведгруппы, заслоны.

– Пробьёмся как-нибудь, – уверенно отозвался майор. – Я тоже не всю жизнь в штабе сидел. Пришлось повоевать...

Танковая колонна капитана Шестакова, набирая скорость, двигалась в указанном направлении.

«Виллис» майора возвращался в штаб. Водитель, из бывалых шофёров, давил на газ, торопясь до темноты миновать как можно быстрее самый опасный участок. Охрана, двое молодых автоматчиков из комендантской роты, держалась настороженно.

Оба служили в бригаде недавно, боевого опыта почти не имели. Снежная сумеречная степь, разбитая техника вдоль дороги, замёрзшие мёртвые тела навевали невесёлые мысли.

– Не дорога, а тоска, – шепнул один из автоматчиков. – И наши, и фрицы рядом лежат, воронами расклёванные.

– Убирать не успевают, земля как камень, – отозвался его напарник. – Глянь, возле сгоревшей «тридцатьчетвёрки» десантники лежат. Так бы и мы лежали, попади в десант.

– Опасные места. В любой момент на фрицев недобитых можно нарваться.

– Не робейте, ребята, – обернулся к автоматчикам майор. – Мы, а не фрицы, наступаем. Пусть они нас боятся. Три автомата, гранаты – отобьёмся, в случае чего.

– Мы не боимся, – дружно отозвались оба автоматчика. – Если что, в момент огонь откроем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.